

Ш-148.5
БИБЛИОТЕКА

коп

ОГОНЁК

№ 39

1954



Мариэтта ШАГИНЯН

**ОТ МУРМАНСКА
ДО КЕРЧИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Ш-148.5 757423

Матвеев

От Мурманска

Керчи

Ворова

Окр

Вос

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 39

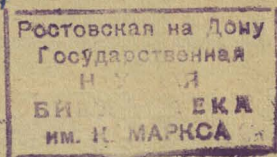
Мариэтта ШАГИНЯН

Ш-148.5

ОТ МУРМАНСКА ДО КЕРЧИ

ОЧЕРКИ

7.57.423



Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1954

Мариэтта ШАГИНЯН

Мариэтта Сергеевна Шагинян родилась в 1888 году в Москве в семье приват-доцента Московского университета. Отец и мать — армяне; воспитание и образование получила русское, и родным языком со дня рождения был русский. Окончила в 1908 году гимназию и в 1913 году — историко-философский факультет Московских высших женских курсов. Писать начала очень рано, сперва стихи, потом прозу, а печататься — с 15-летнего возраста. За 50 лет работы ею написано свыше шестидесяти книг в целом ряде жанров (стихи, рассказы, романы, очерки, учебники, филологические исследования). Наиболее известны изданные после Октябрьской революции ее романы: «Своя судьба», «Перемена», «Приключения дамы из общества», «Кик», «Гидроцентральный» и антифашистская трилогия «Месс-Менд»; очерки: «Ткварчельский уголь», «Тайна трех букв» (об МТС), «Урал в обороне», «По дорогам пятилетки», «Путешествие по Советской Армении» (удостоенное Сталинской премии); литературоведческие работы: монографии «Т. Шевченко», «Гете»; исследования о Коста Хетагурове, о Калевале, о Низами Гянджеви. За диссертацию о Т. Шевченко ей присуждена степень доктора филологических наук. В 1950 году избрана членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и орденом «Знак почета».

Мариэтта Шагинян — член КПСС.

В настоящий сборник вошли следующие очерки Мариэтты Шагинян: «Мурманск», «Прогулка на Кировские острова», «Ясная Поляна», «Керченская селедка» и «Глубь тысячелетий».

МУРМАНСК

1. За Полярным кругом

Поезд приходит в Мурманск к вечеру. Но уже с самой зари, от станции «Полярный круг», вы не отходите от окна, вживаясь в своеобразие Кольского полуострова. Тундра: невысокий кустарник, редкая ель, уходящие за горизонт голые горы; вода во всех видах — болота между кочек и камней, шум горной порожистой реки, подернутые ледяным салом остановившиеся озера, серо-стальной цвет снега и неба; серое, некрашеное дерево станционных построек и сами эти станции, так похожие одна на другую, с такими диковинными названиями: «Пояконда», «Африканда». Африканда в Заполярье!

Кажется, так однообразен этот мир, где в конце апреля еще нет весны. А между тем с каждой остановкой, с каждым часом пути вы словно вчитываетесь в великую книгу бытия, где человек — советский человек, хозяин природы — должен был начать все создавать сначала: покров земли, ее флору, фауну.

Земля тут черная, и в первую минуту кажется плодородной. Но вот подмечаете вы ее странную мертвенную рассыпчатость, как бы перистость — она бесструктурна. Чтобы эта земля могла рожать, нужно потрудиться над ней, помочь ей накопить перегной, засеять ее травами, выкорчевывать ее камни, отводить от нее болота.

И на станции Хибины мы видим расчищенные от снега, крытые стеклом парнички, здание оранжереи, хозяйственные постройки — это ПОВИР — Полярный отдел Всесоюзного института растениеводства, главный форпост борьбы за землю на Кольском полуострове. Пожалуй, нигде так ярко не выступают интереснейшие связи в природе, взаимодействия растений с почвой, насекомого с растением, как именно здесь,

за Полярным кругом, в многолетней работе этого института.

Травосеяние тут дозарезу необходимо не только потому, что нужен корм для скота, а и потому, что нужно оживить, организовать почву, сделать ее структурной.

Пчеловодство необходимо не из-за одного меда — заводить пчел рекомендуется, даже если придется вначале их самих прикармливать привозным медом, даже себе в убыток, потому что нужны пчелы не только для меда, но и для опыления, для поднятия урожайности огородных растений. И в ПОВИР, где появились первые пробные ульи, уже резко повысилась урожайность огурцов.

За Полярным кругом до революции и не помышляли о животноводстве. Только олени стада ходили здесь, пощипывая скудный болотный мох. А нынче возле станции Апатиты широко раскинулись животноводческие фермы знаменитого совхоза «Индустрия». История о том, как обживались в Заполярье привезенные сюда коровы, — сама по себе роман. Сперва они крепко держались старых условных рефлексов и знать не желали новых условий. Они неизменно страдали от сплошной темноты долгой полярной ночи, от сплошного света долгого полярного дня.

Газета «Полярная правда» интересно рассказывает, как коровы скучали и переставали есть зимой, как, не выходя из коровника, ухитрялись заблудиться — не в пространстве, а во времени — и как «скотникам приходилось помогать им выбираться из этого астрономического лабиринта, затемняя коровник во время полярного дня и освещая его ярким электричеством во время полярной ночи». А сейчас из завезенных сюда холмогорок, ярославок и других пород путем многолетнего умелого подбора и скрещивания выводится новая заполярная порода — хибингорская, статная, выхоленная, с хорошей удойностью.

Есть по пути в Мурманск маленькая остановка «Пулозеро». Там на шоссе возле нарядного автомобиля можно увидеть и оленю упряжку. Отсюда в нескольких десятках километров начинаются богатые колхозы оленеводов, цветущие деревни маленького северного народа саами (лопарей), вымиравшего до революции. Дальше, в глубину полуострова, добравшись только на оленях, да и то не во всякое время года...

И всюду: в молодом красавце-городе Мончегорске с его промышленностью, в Кировске с его несметными рудными богатствами, в богатейших и крепнущих оленеводческих и

рыболовецких колхозах — чувствуешь заботу о создании культурного покрова земли, о распространении акклиматизированных растений и животных. На Севере особенно ярко скажется роль большевика-творца, превратившего глухую тундру в одну из крупнейших промышленных областей нашего Союза.

Приехав в Мурманск, в первую минуту даже огорчаешься из-за малой внешней нарядности города. Если не считать широкого и прекрасного проспекта Сталина, знакомого по фотографиям в наших журналах, здесь еще только рождаются очертания города, прокладывается его первый чертеж сквозь деревенскую кривизну и холмистость, сборища деревянных домиков по склонам, ни с чем не сравнимую мурманскую грязь.

Но людям удобно жить в этом молодом, рождающемся городе, потому что главные коммунальные нужды в основном удовлетворены. Раны, нанесенные врагами (76 процентов города было во время войны разрушено бомбами!), начали здесь заживать в первую голову с важнейшего: починен водопровод, действует канализация, вновь уложено все кабельное хозяйство, четко работают телефон и радио, город залит светом, и энергия в избытке; тепло дает своя ТЭЦ.

Лучшие здания в Мурманске — жилые дома, большие, прекрасные каменные дворцы. Невольно спрашиваешь: «А что это? Театр? Исполком? Обком?», — и получаешь в ответ: «Жилые дома, квартиры наших рабочих, моряков, служащих».

Самое драгоценное и нужное здесь, на Севере, — человек; и забота о том, чтобы привлечь сюда человека, чтобы было ему где, и не просто где, а хорошо и удобно жить, чувствуется тут же. Ведь вся огромная область, весь замечательный Кольский полуостров, головой бегемота протянувшийся между Баренцовым и Белым морями, строится и осваивается трудами этого приезжего, нового человека.

Кроме небольшой группы местных поморов, живущих по южному берегу полуострова, да упомянутых выше саами, здесь нет коренных жителей, аборигенов. Если кто-нибудь из здешних работников может похвастаться, что прожил тут четверть века, — это уже почетный ветеран Мурманска; проработавшие 5–6 лет считаются старожилками края. Но нередко вы услышите от горячего местного патриота, успевшего изучить мурманские проблемы назубок, неожиданный ответ, что он приехал сюда лишь полгода назад.

Местные жители — вологодцы, кировские, архангельские, ленинградские — уже как-то утряслись и обжились, типизиро-

вали черты северного русского человека, даже говорок свой создали.

У мурманчан страстная любовь к своей родной области, гордость ею, острое чувство ее непрерывного движения в будущее, как если б все они жили не на мурманской земле, а на корабле, с его могучей тягой вперед. И потому так безбоязненно, словно на море, обсуждаются здесь свои неполадки и промахи, так откровенно-практически принимается критика, словно это и не критика вовсе, а добрый совет.

Каждый мурманчанин знает и помнит о том, что здесь, в его краю, на этом конце света — перед распахнутыми дверьми в открытые моря и океаны, — вместе со страстным борцом за освоение Кольского полуострова, Сергеем Мироновичем Кировым, побывал Иосиф Виссарионович Сталин.

Строительство здешнее молодо: с двадцатых годов нашего века. А земля здешняя стара, и она искони русская. Еще в XIII веке здесь промышляли рыбу русские люди. Старинный город Кола, неподалеку от Мурманска, упоминается в Новгородской летописи под 1264 годом.

Жаль, что мало еще известно об этой замечательной советской области на нашем крайнем северо-западе: о том, как русский народ отстаивал ее столетия назад от иноземных нашествий; о том, как именно русский ученый Н. М. Книпович прочитал секреты теплых течений Ледовитого океана и продвижение промысловой рыбы; о том, как после Октябрьской революции Кольский полуостров волею советского народа впервые начал осваиваться полностью, раскрыл свои огромные богатства, застроился, покрылся дорогами и городами; о том, какую роль в Отечественной войне сыграл незамерзающий Мурманский порт, сколько героев дали мурманчане Родине, как бурно растет Мурманск после войны...

Сколько в Мурманске тем для историка, для поэта, для художника! Кто раз побывал здесь, тому невозможно забыть очарование этого необычайного места, его странную цветную гамму бело-черно-голубой туши, когда снег еще не сошел с волнистых гор, в белизне его — темные пятна проталин, голубая лента залива, голубым проступает невысокое из-под тучек небо. А за этими скудными красками так и чувствуешь источник близкого, яркого света, источник рвущихся в небо ярчайших тонов спектра, ту лихорадку магнитной близости полюса, которую люди испытывают здесь в повышенном ощущении жизни, в размахе творческой энергии, в неутомимой, кипучей деятельности.

2. Траловый флот

Сказавши «ловля рыбы», мы обычно представляем себе приятное летнее занятие, связанное с той первой частью гениальной мичуринской формулы, где упоминаются два слова: «милости природы». Сама природа, светлый фон ее: тихая заводь, речка, вскипающая у порога, камушек на соленом морском берегу, где сидишь с удочкой, раздолье воды за бортом рыбацкой лодки, обилие неба, воздуха и времени, — все это кажется неотъемлемым от такой рыбной ловли.

Но в Мурманске это «курортное» представление тотчас же умирает. В Мурманске понятия «промысел», «промышлять», относящиеся к рыбе, теснейшим образом связаны с промышленностью, с производством. Мурманская рыба составляет значительную часть общей добычи рыбы в нашем Союзе. Основная ее масса — треска, пикша, окунь — донная, то есть ходит в открытом море по дну косяками на глубине подчас 300—350 метров. Попробуй взять ее обычным неводом! А природа здесь — Заполярье, а море здесь — Баренцово. Оно всегда беспокойно, а в бурю ветер доходит на нем до 12 баллов: ведь близко полюс, а поблизости от полюса все стремительно. И не быть бы в Ледовитом океане рыбе, если б не теплое течение, превращающее, вопреки широтам и долготам, Арктику в Атлантику.

В этом суровом и прекрасном мире царствует вторая часть мичуринской формулы: не ждать, а взять надо у природы ее богатство, нужное людям. И люди берут его, берут активно, а не пассивно.

Тут прежде всего не ловят, а «тралят» рыбу — слово, прижившееся в русском языке со времен Петра Первого. Искусство траления связано с научными прогнозами, со специальной разведкой. Оно производится особым орудием лова, тралом — мешком из каната, на стальном тросе, снабженным целым рядом сложных приспособлений, чтоб вести его по дну, не давая ему рваться о коралловый грунт, чтоб держать его на дне раскрытым для рыбы, чтоб сообщать его отдельным частям пловучесть. Такое орудие лова — почти механизм, а управление им — сложное мастерство. Надо уметь спустить трал без перекосов, надо все время, тонко зная и выполняя технические процедуры траления, держать в уме его живую цель: поймать рыбу, удержаться на рыбе, то есть не сойти с рыбьего косяка. Для этого нужны огромная выдержка, терпение, опыт, характер.

Добыча рыбы в Мурманске (и частично ее обработка) ведется на особых кораблях, называемых траулерами и составляющих свой, траловый флот. На каждом траулере в команде десятки людей, и вы здесь никогда не услышите, чтоб эту команду называли рыбаками. Они моряки, носящие на суше свою морскую форму; если на океане они этой формы не носят, то потому, что на траулере они не только моряки (управляют и ведут корабль в трудных условиях), но и добытчики и заводские рабочие, по 18–20 дней кряду ведущие напряженную работу, одну из самых тяжелых работ вообще. Ее трудно себе представить, не повидав.

На 2–3 дня заходит траулер в свой порт, береговая команда разгрузит и снарядит его в новый рейс, заправит солью (соли нужно до 20 процентов от веса всей предполагаемой к засолке рыбы), — и траулер опять ушел на работу. Длинной лентой Кольского залива выходит он в океан, к «банкам», о которых получен научный прогноз и сигналы судна-разведчика, что рыба там есть. Сложные аппараты на траулере помогают поискам, дают знать о глубинной линии, по которой нужно вести трал. Секундами считает хорошая команда время и при спуске и при подъеме трала.

Но вот тонны свежей рыбы вывалены на палубу, и морская команда превращается в рабочих. Она тут же, на траулере, в открытом море, как медведя на охоте, «свежует» рыбу, поднимает на длинные столы, отмахивает головы, вспарывает, потрошит, солит — и в трюм; собирает, сушит, перемалывает «мелочь» — все, что отброшено, — и затягивает в мешки рыбью муку — прекрасный корм для скота, для птицы, удобрение для земли; быстро запаивает банки с жирной консервируемой тресковой печенью; сливает в сосуды первую, еще не очищенную отжимку — рыбий жир, — и уже готовыми фабрикатами, полуфабрикатами, замороженной идет эта рыба в порт.

Не меньше 7–8 раз в сутки спускают и поднимают трал; в морской глубине в зависимости от качества грунта он выдерживается от двух часов (если хорош грунт и не рвет трала) до 40 минут (если плох). И пока выдерживается, нужно успеть справиться наверху, на корабле, с десятками центнеров добытой рыбы, чтоб новая добыча не нашла на старую, чтоб не образовалось завала.

Вокруг опускаются и поднимаются то бока, то нос шумно дышащего, терпеливого корабля, похожего на кита, соленые волны окатывают палубу; они могут смыть мелочь, ценную пе-

чень. А в полярную ночь прибавляется черная, прочная темнота, для которой неделями нет рассвета. Ведь и в полярную ночь не прекращается мурманская добыча рыбы. И работа кипит на траулере в темноте и в качке.

Кто же эти моряки-рыбаки, эти герои тяжелого, напряженного, смелого и рискованного труда?

Проходим в порт через большие ворота рыбокомбината. По асфальтовой дорожке, идущей внутренним двором, между заводами — засолочным, рыбьего жира, консервным и другими, — то и дело провозят мимо нас молчаливые люди в серых халатах тачки с блестящей, влажной, уже разделанной рыбой. Больше всего серо-стальной трески с белой полоской, идущей вдоль ее туловища от хвоста до головы, и такой же пикши с полоской черного цвета. Есть и розово-алый окунь, нежный, с выпученными глазами; пласты хищной зубатки с пятнистой, как у змеи, чешуей; нежное, белое мясо палтуса. Это прилов к основному, треске и пикше, сезон которых в полном разгаре.

Тачки на мгновение останавливаются на весах, покуда женщина в очках быстро запишет их вес, и развезутся по заводам.

Ветром пахнуло в лицо: мы вышли к причалам. В разное время дня и ночи, во все времена года подходят с моря могучие мурманские траулеры. Их силуэт необычен. Широкая корма, округлая линия носа, похожая на вздутую голову кита, белая рубка с трубой — почти живое впечатление обитателя моря; и название траулера большею частью рыбье: «Семга», «Лещ», «Треска», «Ерш», «Скумбрия»... Одни пришли, привезя в трюмах большой улов, побывав в горячих схватках с морскими стихиями, еще запыхавшиеся от борьбы, от работы, с мокрыми, обмытыми палубами, и словно замерли у причала, раскрыв, как жабы, свои трюмы.

По канатной воздушной дороге плывут кверху из этих трюмов круглые, большие «сампы» — деревянные бадьи, наполненные рыбой; покуда полная сампа взлетает вверх, к элеватору, следующую уже наполняют вниз, в трюме. Другие грузятся для нового рейда. Идешь по узкой длинной «улице» порта, между причалами, под навесами элеваторов, с которых капает на тебя пахнущая свежей рыбой вода, мимо одного, другого траулера, наблюдая живые сцены выгрузки и погрузки, видя так близко, вплотную к себе, широкие кормы этих необычайных кораблей, — и начинаешь понимать людей, любящих свой тяжелый труд, связанных крепкой, душевной

связью со своим флотом, с его напряженной, не замирающей, могучей трудовой жизнью.

У причала стоит траулер «Макрель»; на пристань неторопливо сходит стройный рыжеватый моряк, в полной форме, чисто выбритый, — помощник капитана по политической части тов. Кравченко — «помполит», как здесь говорят. Сутки назад он вместе с другими моряками стоял по колено в рыбе, резал и чистил ее, а рыбы чешуйки облипали его одежду. Но сейчас на «Макрели» и рыбьего запаха нет: все вычищено. В этой пловучей фабрике душевые и вайна, как на хорошей городской квартире. Подъезжая из двухнедельного, трехнедельного рейса к порту, моряки избавляются от рыбьего духа, надевают чистую форменную одежду, бреются.

В своей каютке у зеркала прихорашивается юнга — красавица-девушка, румяная, как ягода малина, в кудряшках, завившихся от влаги и ветра, с пухлыми, красными от мытья палубы руками, — это она отмыла траулер от рыбьей крови и слизи. Наде Пятошихиной еще нет и двадцати лет, она из Кировской области. Отец погиб в Отечественной войне, у матери полон дом ребятишек, а тут дядя, сам моряк, сманил девушку во флот: поплавай на траулере, матери поможешь и сама человеком станешь. И Надя на вопрос, как в океане, от качки не страдает ли, легко поводит плечом и весело показывает зубы и ямочки на щеках: «А что ж качка? В качку, как обыкновенно». Ну, а в сильную, в ураган? А в сильную капитан и штурманы на рубке, а они, матросы, фильм смотрят, собеседование ведут, книги читают...

И мы находим в библиотеке траулера зачитанные, затрепанные книги (она передвижная; их много, таких библиотек, обходящих корабли): и «Кавалера Золотой Звезды», и Семушкина, и Мальцева, и Ажаева... А механик любит исторические романы, ему больше всего понравился «Спартак».

В отважный труд на Ледовитом океане, берущий по двадцати часов в сутки, ворвалась молодая советская книга, и она как-то устроилась во времени, вошла в уплотненный график, и словно раздвинулся график, прибавилось времени, потому что от книги, от чтения, оттого, что открыла книга молодому своему читателю, моряку, новый, необъятный мир захватывающего интереса, открыла ему наслаждение чтением, работать стало легче, работа идет осознаннее, быстрее.

Мурманский траловый флот славится замечательными людьми. Капитана Буркова знает весь Союз. Старый морской

волок капитан Михов по своему возрасту, как тут говорят, уже «выплавался», и сейчас он один из знаменитых инженеров по орудиям лова. Десятками можно назвать прекрасных капитанов и стахановцев-моряков, во много раз перевыполняющих план добычи и обработки рыбы.

Эти лучшие из лучших рука об руку работают с учеными, с Полярным институтом морского рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО). Моряк и научный работник, как стахановец и академик на заводе, сообща получают в Мурманске Сталинские премии (биолог-мурманчанин Ю. Ю. Марти и капитан тралового флота Г. П. Корольков). Романы можно писать об этой совместной работе. Кто из москвичей не охотится в гастрономах за знаменитой селедкой «полярный залом»? А ведь прежде чем она попала на наш, советский стол, за ней пришлось поохотиться не в гастрономах, а в необъятном Ледовитом океане.

Мурманская сельдь не донная рыба, ее ловят не с траулера, а с судов меньшего размера. Но эта мурманская сельдь уходит неизвестно куда нагуливать себе мясо и жир. Чтоб открыть тайные «курорты» сельдей, ученые в ПИНРО долго изучали и теплые течения, и рельефы грунтов, и скопления питательных веществ, — словом, все те факторы, что влияют на передвижение рыб. Они метили живую мурманскую селедку, подобно тому, как кольцуют птиц, и у берега снова пускали ее в море, запоминая место и время спуска.

Когда наши моряки, вспарывая брюхо большой рыбы, вдруг находили там меченую сельдь, они тотчас засекали время и место ее нахождения и давали знать в институт. Так, шаг за шагом, по десяткам улик и примет, прослеживалась тайная дорога сельди, пока не нащупали место, где можно было ее, ожиревшую, выросшую, отъевшуюся, перехватить.

Я сравнила траулеры с фабриками и заводами. Сравнение справедливо еще и потому, что на этих пловучих маленьких предприятиях возникают и развиваются самые неожиданные формы поднятия производительности труда. Тотчас подхвачен был почин Корабельниковой по борьбе за комплексную экономию продукта. Легко беречь там, где мало; очень трудно беречь там, где много. До сих пор множество рыбьих потрохов смывалось с палубы водой, выбрасывалось; при потрошении, бывало, отхватывался и кусок печени; сейчас, когда весь этот несчитанный избыток принялись считать, переводить на рубли, видеть глазами получающуюся экономию, мо-

ряки стали по-хозяйски придирчиво подбирать каждый обренок, каждую жилку — на перемол.

Родились комсомольско-молодежные вахты; на траулере «Грозном» очутились четыре земляка-комсомольца — русский, эстонец, белорус и еврей — все из Белоруссии — и решили организовать свою вахту. Во главе ее стал Петр Савченко — парень с замечательной, хотя и короткой, биографией: пришел на корабль, никогда не видавши моря, через полтора месяца сдал техминимум на матроса III класса, спустя немного — на матроса I класса, а поработав всего два рейса, сделался помощником траулмейстера — специальность, которой овладевает десятком лет работы. И боевая комсомольская вахта показала, как из мелочей складываются большие дела, из небреженных секунд вырастают дни и месяцы; она потянула за собой молодежь других траулеров.

Мурманчане отличились в Отечественной войне. Некоторые из них посмертно получили звание Героя Советского Союза. Один такой герой, бывший рабочий одного предприятия, комсомолец Анатолий Бредов, при освобождении Советской Армией Петсамо стоял насмерть, один сдерживая пулеметом натиск гитлеровцев. Память об Анатолии Бредове жива. Один из траулеров назван его именем. Почти вся команда этого траулера — молодежь. Она любит и уважает свой корабль, как живого, родного человека, все силы кладет на то, чтоб «Анатолий Бредов» получил награду за досрочное выполнение плана, был славен не одним именем, а и делами.

И вот с большой добычей, веселый, краснотелый приходит «Анатолий Бредов» из очередного рейса к мурманскому причалу. Бывает, к приходу траулера стоят в порту женщины — это жены пришли встретить своих мужей, с которыми они видятся день — два в месяц. Но «Анатолия Бредова» встречают мать и отец, встречают не моряками с траулера, а самый траулер, весь корабль с моряками. Учащенно дыша от быстрой ходьбы, идет по ступенькам, бережно ведя под руку свою «старуху», отец покойного героя-комсомольца.

Много отцов в нашей родной стране потеряли своих сынов на фронте, много матерей годами чувствуют боль от раны, от пустого места у стола, где сидел сынок. Но мать и отец Бредова по-своему счастливы, боль их утишена. «Я прихожу к вам в гости, как к сыну», — говорит старик-отец, лаская рукою корму траулера, словно это живая сыновья рука.

И молодежь собирается вокруг почетных гостей, слушает их рассказы о сыне, чувствует сердцем, как все в нашем

светлом мире связано одно с другим, как переходят подвиги одних в живой и высокий труд других, как надо равняться по лучшему, по прекраснейшим и как хорошо жить и работать на советской земле.

г. Мурманск, 1950.



ПРОГУЛКА НА КИРОВСКИЕ ОСТРОВА

1

У каждого города есть какие-нибудь свои преимущества: местоположение, климат, пути сообщения, отметка над уровнем моря, природный фон — снеговые вершины, морская даль, густые леса, широкая речная пойма... Но не каждый город может похвастаться тем, что эти его преимущества целиком использованы для жителей.

Одно из больших преимуществ Ленинграда — вода. И она была в свое время хорошо использована его первыми строителями, введена в классические архитектурные ансамбли. Она широко использована при Советской власти, чтоб раскрыть не только зримую красоту города, но и сделать наслаждением самую жизнь в нем, наслаждением для дыхания, движения, отдыха. Вот вы вступили на ленинградские улицы в душный летний денек, когда градусник показывает 30° в тени. И замечаете, что вам уже не душно, словно приехали вы не в огромный промышленный центр, а на курорт. Северные, бледные краски неба с преобладанием тусклоголубых тонов; щедро положенные белила, словно выпущенные из тюбика рукой художника прямо на полотно; белые горки облачков, белые линии на горизонте, чуть разбавленные тем свинцовым оттенком, который мы нежно именуем «сизым» на голубиных крыльях. Небо с его облачками отражается в каналах, по которым тихо скользят лодочки. Молчаливые мальчуганы с длиннейшими удочками неподвижно стоят над водой, опершись на гранитные парапеты. А ветерок говорит вам, нежно пробежав по щеке вашей, что это еще не вся вода, это — лишь преддверие воды: там, за кружевным очерком дворцов, голубым, холодным пламенем вспыхнет перед вами Нева с ее белыми речными трамвайчиками, а за Невой опять каналы, озера, пруды и бьющие в изрезанный берег уже солоноватые, уже шумящие глухим прибоем морские волны...

Вода использована здесь при Советской власти для широчайшего озеленения города, для превращения больших его пространств в сплошные цветники. И так как изобилие воды делает здешнюю почву всегда чуть-чуть влажной, зеленъ садов и парков Ленинграда имеет тот яркозеленый, особый оттенок, какой сочетается у вас в воображении с очень ранней молодостью: «молодо-зелено».

Идите вдоль набережной, наслаждаясь бессмертной красотой Невы, вплоть до Летнего сада и поверните в тенистую его аллею. Это тот Летний сад, над кудрявыми главами которого пронесли великие, трудные годы: он зарастал, забурыживался, содрогался под фашистскими бомбами, стоял на заперце за решеткой; его мраморные статуи были зарыты в землю, его дорожки были безлюдны. И если вы долго не были в Ленинграде или за недосугом не заглядывали сюда в короткие сроки приездов, вам предстоит без усталости восхищаться и поражаться: все, все, как раньше, все цело, сохранено, приумножено, открыто для народного пользования. Классические линии скульптур и крупные надписи у их подножия с расказом, что каждая обозначает. Мифы древности, светлые и жуткие, обезоруженные, высветленные ясным разумом нашей эпохи. Детишки бегают мимо них по аллеям Летнего сада, зная и страшного бога Сатурна, и пышноволосяную богиню Флору, и кудрявую головку Весны, но предпочитая им всем дедушку Крылова — один из лучших в мире памятников, окруженный барельефами главных персонажей из басен.

Но вот вы дошли почти до конца сада, где белеет стройный мраморный Антиной. Где же конец? Направо, вместо огромной пустынной площади Марсова поля, встает такая симфония зелени всех оттенков, осененная жемчужными струями фонтана, что вы долго-долго стоите неподвижно, не в силах оторвать от нее глаз. А сосед шепчет вам на ухо: «Вы поглядите на Марсово в конце июля, в августе, когда вся пестрота распускается, — ведь это сплошной цветочный газон на десяти гектарах!»

Но превращение справа не единственное, и впереди ждет вас новость. Летний сад переходит в большой Михайловский сад. Правда, так было и раньше. Но со стороны канала Грибоедова в этот сад не было входа, а сам он был порядком запущен и не очень любим ленинградцами. Сейчас великолепная его решетка разомкнулась, открыв доступ к зеленому массиву прямо с канала. Сад вычищен, выхолен, превращен в парк. Меж липовыми его аллеями благоухает на полянках

свежее сено. Старый, обветшалый павильон Росси, стоявший в углу сада, как доживающий свой век музейный памятник, ожил: в нем открыта детская читальня. И думаешь, что за счастливыцы ленинградские дети: так незаметно, на каждом шагу, в каждом углу родного города подстерегает их строгая красота линий, выдержанная гармония стиля, совершенство пропорций! Растут, и вкус их воспитывается, формируется, складывается как бы сам собой от обилия согласованных, постоянных художественных воздействий. Но и это еще не все!

Большое зеленое пространство трех сливающихся друг с другом садов в самом сердце города; вода каналов и река создают тот высший, необходимейший комфорт для существования человека, который химики выражают в формуле, а медики в двух словах: «хороший воздух». Хороший воздух — это чистота дыхания, обилие озона, отсутствие пыли и бактерий, это глубокие «вдох» и «выдох» физкультурника, дающие здоровье и радость.

Казалось бы, город-курорт. Но в этом городе чистого, свежего дыхания, в самом городе, на одной из его окраин, раскинулся еще и настоящий курорт — с санаториями, домами отдыха и густыми зелеными садами.

2

Каменный остров, а с ним вместе соседние — Елагин и Крестовский — сделались теперь своеобразным ленинградским курортом.

Чтобы оценить это в полной мере, надо вспомнить, чем были острова до революции. Городские бездельники, желявшие покурить, мчались на собственных «выездах» на острова. Мимо лачуг, населенных рабочим людом, мимо покосившихся заборов и глухих переулков в безлюдную тишь, где модный ресторан принимал бездельника в укромный «отдельный кабинет»; на пресловутую Стрелку, откуда в бинокли смотрели на далекую линию горизонта; на дачи — редкие богатые дачи, укрывавшиеся в тиши и зелени Елагина... Все это было доступно единицам. Помню, в конце прошлого века в компании студентов я как-то отправилась в зимний воскресный день на острова. Мы долго ехали на конке, везомой двумя лошадьми. Потом шли пешком, сквозь снег, по засыпанной снегом дороге, дошли до пустынной Стрелки и даже спустились на лед залива, чтоб поглядеть на короткий зимний закат. Но было

пронизывающе холодно, пустынно, безлюдно. Четыре часа понадобилось, чтоб добраться до Стрелки, и столько же, чтоб унести ноги оттуда.

И большая вода, и зелень, и воздух, и пространство — все это было у старого Питера, и все это лежало втуне, лежало неиспользованное, недоступное для народа.

Сейчас, чтоб добраться сюда, нужно меньше часа. Со всех сторон города по земле и воде бегут на острова десятки трамваев, речных и сухопутных, мчатся велосипедисты, мотоциклисты, спортивные лодки. Солидно шуршат шинами по асфальту автобусы — это едут курортники с путевками: одни — в желудочно-кишечный санаторий, другие — в кардиологический, третьи — в однодневный дом отдыха; приедут, проведут размеренный, насыщенный отдыхом и удовольствием длинный день среди цветов и деревьев и как бы урок покоя и размеренного режима получают на смену городской спешке... Десятки тысяч, а иногда и сотни тысяч людей едут сюда на спортивные праздники, на народные гуляния, чтоб провести выходной. И какое богатство предлагают им Кировские острова!

Стадион — самый большой в нашем Союзе, — рассчитанный на сто тысяч человек. Огромный Парк культуры и отдыха. Водная станция со всеми наслаждениями жизни на веслах: путешествия по десяткам соединенных в одну артерию прудов и каналов, мимо сказочно зеленых берегов, под музыку, как в панораме «Спящей красавицы»... Музыка в этом месте отдыха и лечения отдано почетное место, и это требует особого разговора.

3

Одна из самых старых лечебных традиций в мире — хорошая симфоническая музыка на курорте. В узаконенные часы, до наступления сумерек, в парках курортов всего мира звучат симфонические оркестры. Вокруг открытой «раковины» гуляют курортники, и музыка щедро доносится и до тех, кто сидит на скамьях, и до тех, кто забрел в дальнюю аллею парка, и до тех, кто двигается со стаканом в руках к бювету, чтоб выпить очередную порцию минеральной воды. Казалось бы, эта старая традиция — обязательная музыка в пять часов дня — родилась только как летнее развлечение в давние времена, когда еще не было радио и кино, а молодежь говорила: «Пойдемте в парк на музыку», — как сейчас говорят: «Идем в кино».

757.423

А между тем хорошая симфоническая музыка на курортах, ежедневная, бесплатная, в часы, когда еще не зашло солнце и каждому полезно пребывание на воздухе, музыка, овевающая вас вместе с воздухом, с запахом цветов, с бликами солнца сквозь листья парка, — это не только развлечение, но и могучий лечебный фактор, гармонически действующий на нервную систему, укрепляющий и успокаивающий ее. Сотни врачей и психологов приходили к этому выводу, подчеркивали благотворное действие музыки.

С сожалением надо сказать, что этот проверенный, испытанный лечебный фактор начал понемногу исчезать из нашей курортной жизни, заменяясь обычными вечерними (а вернее, и ночными, так как кончаются они около полуночи) платными концертами в закрытых помещениях. Приходится иной раз слышать: «К чему содержать целый оркестр, когда есть радио и в каждом санатории чуть ли не ежевечерне кино?» О том, может ли радио заменить симфонические концерты в парке, стыдно и говорить в наше время, когда то же радио постоянно и убедительно, в лекциях и беседах учит советского человека любить и понимать серьезную музыку, воспитывает культуру музыкального слуха, раскрывает звуковую магию великих мастеров симфонизма, приглашая его идти и слушать — идти и слушать не на мертвой радиоволне, а непосредственно на концертах чистый, неискаженный звук музыкального инструмента...

Но Ленинград — центр большой музыкальной культуры — не изменил музыке. Он славился летними концертами в Павловске, на которые съезжался когда-то «весь Петербург». Сейчас он славится концертами на Кировских островах. Ленинградская филармония ведет здесь большую, благородную работу популяризации и пропаганды музыки. В специальном музыкальном лектории проводятся концерты-беседы «Как научиться слушать симфоническую музыку». Не сразу дается эта наука. Еще есть у нас такие любители музыки, от которых можно услышать: «Скучища была — один оркестр без ничего». Фраза, которой следовало бы исчезнуть из нашего лексикона. «Без ничего» — значит без пения или без танца, то есть без более доступных форм выражения музыки. Но в лектории начинает раскрываться перед слушателем душа каждого инструмента, составляющего оркестр; объясняются его особый голос, прелесть и значение его тембра, роль, какая дается ему обычно в сложной партитуре симфонии. И слушатель начинает учиться «читать» музыку, он уже разли-

Ростовская на Дону
Государственная
Библиотека
И. Н. МАРКСА

чает беседу инструментов в оркестре, может следовать ухом за каждым отдельным голосом, — и какое это редкостное, невышенное, очищающее душу наслаждение! Музыка стала массовой — в подлинном значении слова — на Кировских островах. Четыре раза в неделю здесь даются бесплатные концерты для тысяч и тысяч слушателей. Но здесь вообще считают тысячами. Несколько тысяч ленинградцев собирается в парке на «Поляне песен». Это не для слушателей. Это для участников. Собравшись, они поют вместе, и грандиозный хор, где поющие наслаждаются пением и слушают сами себя, создает в его чистом виде тот «праздник песни», где не должно быть разделения на исполнителей и слушателей, а каждый участник — одновременно и слушатель.

4

Ленинградские белые ночи, когда заря с зарей сходитесь! Тысячи раз было описано их очарование. Но вот затухают жемчужно-серебристые тона в небе, перестает их отражать большая вода Ленинграда, к серебру подмешивается вакса обычной ночи: белая уходит, она кончается. И в Парке культуры и отдыха на Кировских островах устраивается массовый праздник конца июня — проводы белых ночей. По древнему русскому обычаю, положено душе «крепиться» и «развеивать грусть по ветру», — проводы на Руси всегда были веселые, с песней, шутками, танцами: проводы масленицы, проводы лета. Весело провожают ленинградцы и последние белые ночи.

Вот она опустилась на землю в серебре своего тумана, матовая, тускло светящаяся, последняя белая ночь. Тысячи ленинградцев на Кировских островах, но так много здесь большого дельного пространства, всяческих аттракционов, тенистых аллей, что обычной скученности от множества гуляющих тут совершенно не чувствуешь. В театре на воде (это тоже одна из особенностей здесьнего парка) идет «Лебединое озеро» в прекрасном исполнении ленинградского балета. Вода входит слагаемым в зрелище, плеск ее словно баюкает музыку. А вот купол Планетария. Здесь происходит беседа «В мире звезд». Белая ночь спрятала звезды, но здесь, на искусственном небе, они загораются для сотен любознательных глаз. Дальше идет другая беседа, и ее слушают с напряженным вниманием: «Почему бывают белые ночи?» Поэзия подковывается тут наукой. К чести ленинградского отделения

Общества по распространению политических и научных знаний надо сказать, что темы для лекций здесь выбираются интересные, неожиданные, неистощимые по разнообразию; поучение почти всегда связано с показом, с использованием всех неисчерпаемых богатств Ленинграда, этого города-музея, живущего острой современностью.

Дальше, на танцевальных площадках парка, кружится молодежь — это «балы молодежи», как они называются в программах. На эстрадах — выбирай любую — тоже интересно: в одном месте вечер старинного водевиля; в другом — концерт классической музыки на тему «Весенние мотивы»; в третьем — большой вечер юмора и сатиры, сюда приехали в гости артисты московской эстрады.

Все это множество удовольствий на деловом языке дирекции парка называется сухим словом «мероприятия». Они обычные, они обходят эстрады и театры. Но в парке есть и постоянные учреждения в постоянных павильонах, куда каждый праздничный день идут толпы ленинградцев. Идет целая семья — отец, мать, двое детишек — в гости к тому, чье имя дано островам, — к Сергею Мироновичу Кирову. Большой павильон, где расположена выставка, посвященная жизни и деятельности Кирова, вмещает только основные экспонаты. О них подробно рассказывает экскурсовод, и как только замечает он, что вас особенно заинтересовал какой-нибудь документ, непременно добавит: «В городском музее у нас это полнее, обязательно побывайте в городском музее!»

Много народу, большей частью молодежь, заходит и в другой постоянный павильон — павильон технической консультации. О нем одном, о его посетителях, о его экспонатах, постоянно обновляющихся, можно целый рассказ написать.

В этом павильоне филиал Постоянной промышленной выставки Ленинграда. Здесь периодически показывается все новое, чем могут похвалиться ленинградские заводы: новые станки, машины, технологические процессы. Сейчас здесь демонстрируются (в действии) большая оплеточная машина, сложное, в несколько металлических нитей, оплетающая резиновый кабель; установка для электрической полировки цветных металлов; станок-автомат, сам откусывающий часть стальной трубки и делающий из нее винт, и т. д. Но больше всего ленинградцев в том углу, где отведено место вовсе не Ленинграду, а Средневолжскому станкостроительному заводу, что в Куйбышеве. Знакомое имя бросается в глаза с плаката: В. А. Колесов. Это имя часто упоминается в газетах, а я, при-

знаться, до сих пор не знала, в чем новаторство В. А. Колесова. Протискиваюсь вперед. Консультация так консультация! Хочу в точности узнать о В. А. Колесове. И консультант дает мне ясную, понятную справку, понятную и потому еще, что она дается у самой машины. В. А. Колесов — автор метода силового резания металла; он увеличил подачи резца в пять — десять раз, и соответственно этому стружка из-под резца выходит большего сечения... До сих пор скоростники побеждали время вremenem: они намного ускоряли обороты, и стружка, тонкая, красная, раскаленная, вилась из-под резца, как огненная струйка. А Колесов побеждает время странством: он ускоряет работу, сразу захватывая резцами столько стального «мяса», сколько стачивается скоростниками лишь за много оборотов. Так образно раскрылась передо мною новая творческая ступенька в поступательном движении нашей техники. Разумеется, для силового резания потребовалась и соответствующая переделка самого станка...

Течет белая ночь, глубоко забирает резец нашей жизни за душу, за весь аппарат нашего восприятия, насыщенный множеством впечатлений. Но одно — самое прекрасное — все же еще остается для рассказа. О нем, правда, нужно не ночью и не в сумерки, а рассказать уже на следующий белый ленинградский денек.

5

Тут же, на Кировских островах, где все устроено на здорovou потребу человека, есть один необычный санаторий. Называется он «Мать и дитя». Едешь к нему парковой дорогой, на которой вдруг перед самой машиной вырастает огромный сказочный дуб — словно пушкинский «дуб зеленый». Но опоясывает его не «златая цепь», а солидная ограда, как бы узаконивающая его вторжение на дорожный асфальт. Дуб посажен здесь рукою Петра. Столетия сберегли его, и даже строители, проводившие тут дорогу, уважили старика. Дуб встречает вас, как в преддверии сказочно необычного.

Когда-то в двух нарядных виллах жили барон и баронесса Таубе. Две виллы превратились в два корпуса нового санатория. В одном из них отдыхают «мамы» — так их зовут здесь и врачи, и сестры, и сиделки, и сами они, знакомясь с вами, привычно называют себя «мама такого-то малыша».

Дело в том, что в этом санатории отдыхают матери вместе со своими новорожденными. Сюда принимаются дети в воз-

расте от двух недель до трех месяцев. Другой корпус отдан для отдыха тем, кому еще только предстоит стать мамами, то есть беременным на последних месяцах. Каковы же смысл и цель этого особого профиля санатория?

Заглянем к мамам. Здесь они по профсоюзным путевкам со всех концов нашей Родины. Есть приехавшая даже с Курильских островов. Жена акробата цирка, учительница, чернорабочая, научный работник, студентка Института советской торговли — все виды труда, все профессии... Каждая — с новорожденным, кое-кто — с двойшками. Была тут и работница с «Красного треугольника», имевшая тройню — трех превосходных мальчишек, до того похожих друг на друга, что только мать могла угадать, «кто — кто». Продуманный, правильный режим, оздоровительные процедуры, воздух, зелень, питание — все это, как в других санаториях. Но вот необычное: беседы о рациональном кормлении и воспитании своего ребенка; лекции о правах советской женщины, о советском законодательстве, касающемся брака, семьи, женщины; семинары по обучению кройке и шитью детского белья, по изготовлению детской пищи. Оригинально поставлены лекции на литературные темы: для слушательниц делается библиографический обзор одной какой-нибудь новой книги, рассказывается ее содержание, раскрывается тема. Так была проведена недавно беседа о романе «Семья Рубанюк».

Нелегко забудутся заложенные здесь прочные навыки физического и духовного режима. Культура быта — великая вещь, и драгоценны ее семена, заброшенные в душу человеческую, когда она жадно раскрыта для восприятия.

Из комнат мамаш входим в детскую, предварительно надев марлевую сетку на рот в добавление к больничным халатам. Младенцы — один краше другого, глубоко серьезные, какими бывают новорожденные, чистенькие, выхоленные, упитанные — лежат по своим кроваткам, лежат и кричат «уа-уа», потому что пришло время для их кормления. И в этом первом рефлексе на определенный час пищевого режима, в свободном, неспеленатом лежании без постоянного тискания в материнских объятиях, в ровной, прохладной температуре детской тоже чувствуются зачатки здоровой культуры тела, здорового, нормального характера. Скоро заполнится мамами комната для кормления. Предварительно каждая достанет из своего ящичка белый халат, каждая, щипцами захватив тампончик из дезинфекционного раствора, вытрет им свою грудь. И мамы рассядутся по удобным стульям со скамеечками для ног,

возьмут каждая своего младенца... И халаты, стулья, скамеечки, антисептика — все это тоже запомнится для будущего, все это найдет свой отголосок в домашнем быту.

Большая вещь — советская культура, тихо, невидно, в самых разных областях нашей жизни делающая свое большое, непрерывное дело перевоспитания человечества! И слава незаметным труженикам, миллионам советских людей, несущим эту культуру в массы своей самозабвенной работой!

Таковы Кировские острова, очерченные бегом и далеко не полно. Мы рассказали о них читателю не только потому, что отдых на Кировских островах приятен и поучителен, но и потому, что он может стать типовым. Потребности советского человека растут, и растут не механически, не сами собой: они пробуждаются, воспитываются, расширяются с общим ростом нашего общества, с помощью бесчисленных больших и малых работников советской культуры. В этом смысле опыт Кировских островов интересен как замечательный пример для всех городов нашего Союза. И санаторий «Мать и дитя» мог бы стать типовым для десятков и сотен таких же учреждений во многих областях и республиках нашего великого Союза.

Ленинград, 1953.



ЯСНАЯ ПОЛЯНА

1

Меняются формы жизни, средства передвижения, сами дороги, но то, что Пушкин назвал когда-то «народною тропой», объединяя в этом крылатом выражении и память народа о своем гении, и народную любовь к нему, и движение народных масс к тому материальному, что осталось от него во времени, — эта «народная тропа» не зарастает и не пустеет. По словам бывшего секретаря Толстого В. Ф. Булгакова, «до 50 тысяч человек посещает в год Ясную Поляну».

Чудесно изменилась жизнь русского народа с той поры, как ночью 10 ноября 1910 года Лев Николаевич постучался к спавшим кучерам и на пролетке — она и теперь стоит в конюшне, с застегнутым кожаным фартуком, старомодная, на железных колесах — выехал в темноте на ближайшую станцию. Рабочий с факелом, пробираясь впереди коляски, освещал дорогу. Так начался исход Толстого из Ясной Поляны,

предсмертный разрыв его с собственностью и комфортом, дорога к смертному часу на станции Астапово (теперь «Лев Толстой»).

Нынче по всем дорогам, ведущим в Ясную Поляну, едут на автобусах, мотоциклетах, легковых машинах сотни людей ежедневно, чтоб побывать в усадьбе, где протекла почти вся жизнь Льва Толстого; на зеленой его могиле в глубине густого парка; в заповедных местах, связанных с образами его творчества. И если ехать по симферопольской магистрали, даже никуда не сворачивая, а только внимательно подмечая все встречное на пути, получаешь яркое представление о величине происшедших изменений.

По обе стороны дороги — те же как будто прелестные поля и перелески, скромная природа центральной полосы России, запечатленная классиками русского искусства. Но хоть и те же, а все не те они. Нет прежней первобытности, пустынности, «глухомани» русского пейзажа, подступавших подчас даже и к дороге в виде зеленых заболоченных низин с их острым запахом гниения или испорченных, исковерканных пожарами черных древесных остовов в лесу; земля лежит обжитая и выхоженная, леса обегает дорогу чистые и ровные, и сама дорога благоустроена; все говорит о многолетней, большой культуре, вложенной в землю, о машинах и удобрениях, труде и усилии светлого человеческого разума.

Вот ползет по асфальту огромный комбайн, за ним другой; бронзовые, по пояс голые комбайнеры за рулем — это мощная техника перебирается на новое место уборки. А рядом, скользя по шоссе, как по бархату, плавно проходят красивые, яркие автобусы с надписями на лбу: «Москва — Симферополь — Ялта», «Москва — Тула», «Москва — Орел». Из окон, полуприкрытых занавесками, выглядывает лицо пассажира, чуть сонное: он уже привык к этим рейсам. А сами вы то и дело обгоняете в пути велосипедистов в голубых, красных, белых шелковых рубашках с черными номерами, нашитыми на спине: «199», «54», «59»... Это не москвичи — это местный велопробег не то городского, не то колхозного спортивного коллектива.

Вы мчитесь мимо старого живописного Серпухова и нечаянно выхватываете глазами надпись на афише: здесь гастролирует Краснодарский театр музыкальной комедии. И когда подъезжаете к Туле, невольно опять ищите театральную афишу. Так и есть, тут гастролирует уже другой театр — Брянский драматический. Казалось бы, такие обыденные, простые

вещи. А ведь они говорят о движении всей нашей страны. Весь огромный ее массив, вся ширь и глубь народной русской жизни должны были всколыхнуться, сдвинуться годами работы на каждом участке, в каждом углу, чтоб маленькие города стали большими городами, зажили высокой общекультурной жизнью и чтоб театры каждого из них смогли обходить всю страну — от Кубани до Серпухова, от Брянска до Тулы. Вот по какой народной тропе текут и текут сейчас народные массы к Ясной Поляне.

Въезд в нее начинается двумя старинными белыми башнями, между которыми раньше висели железные ворота. Этих ворот сейчас нет, посетители проходят свободно в густую широкую еловую аллею (раньше она была светлая и березовая) и по этому «прешпекту», как звали его дед Льва Толстого по матери, князь Н. С. Волконский, и списанный с него старый князь Н. А. Болконский в «Войне и мире», вступают на территорию усадьбы. Старого большого дома, где родился Толстой, давным-давно нет: Толстой его продал на «разбор и перенос» еще в молодости, — а на месте его стоит камень от фундамента с надписью: «Здесь стоял дом, в котором родился Лев Толстой». Но знаменитый «кожаный истертый диван», на котором он родился, описанный до мелочей и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной», и в «Детстве», стоит, только уже обитый клеенкой, в кабинете Толстого — во флигеле, разраставшемся с течением времени пристройками и превратившемся в нынешний главный дом Ясной Поляны.

Три разработанные экскурсии ведутся, во-первых, по этому главному дому, где Толстой прожил больше полувека. Во-вторых, по меньшему флигелю, где в конце 50-х годов он устроил яснополянскую школу для крестьянских ребят (а сейчас тут находится Литературный музей, посвященный его жизни и творчеству). И, в-третьих, — по заповеднику толстовской усадьбы, состоящему из парка с его тремя прудами, аллеями ореха, лип, ясеней, елей, с его садами и цветниками, с его старым дубовым лесом, носящим название «Чепыж», елово-березовым лесом с любимой скамеечкой Толстого, темными зарослями старого и молодого «Заказов» — лесов «заказанных», где зарослены были порубки и пастьба скота, с его «купальной дорожкой» к речке Воронке, куда ходил купаться Толстой. И, наконец, к месту среди густого леса, где над оврагом старого «Заказа», в тишине и тени, под простой зеленой могилкой на месте легендарной «зеленой палочки», будто бы хранящей секрет человеческого счастья и зарытой здесь в детстве любимым

старшим братом Толстого, Николенькой, покоится Лев Толстой.

Каждая из этих трех экскурсий описана в отдельных книжках-путеводителях, изданных Тульским областным издательством. Ежедневно идут по усадьбе, слушаая экскурсоводов, колхозники, школьники, учителя, шахтеры с шахты «Щекинуголь», солдаты, академики — множество народу со всех концов нашего Союза. Эта людская лавина останавливается у стола в прихожей Литературного музея, возле книги для посетителей, и здесь, ставя подчас только свои фамилии или делясь своим свежим впечатлением, она материализуется, оставляет свой образ. Особенно запомнилась мне одна из этих замечательных записей, коротенькая, на чешском языке, подписанная делегацией чехословацких горных экспертов:

«Осмотр музея ознакомил нас с глубиной жизни великого русского писателя».

Не просто с жизнью или «огромной», или «необъятно-широкой», или другой какой-нибудь жизнью, а с глубиной жизни. И это совершенно точно. Знакомство с Ясной Поляной, где Толстой прожил почти всю свою жизнь, с очень редкими выездами, — в зрелые годы главным образом в московский свой дом, а за границу или на Кавказ — в молодости; где он родился и похоронен, где сложились яркие впечатления его детства, — это знакомство обогащает вас таким глубоким знанием лаборатории Толстого-художника, какого не давала до сих пор почти ни одна книга, ни одна статья о нем.

Невольно думаете вы: вот жизнь, сжатая тесными рамками одной усадьбы, долгая жизнь почти на одном и том же месте, — только рабочий кабинет передвигался из одной комнаты в другую, но все вещи: от старого письменного орехового стола, еще отцовского, до мелких частей мебели и рабочих инструментов — все это двигалось вслед за перемещением кабинета и служило постоянно, долгий век, до самой смерти. И как эта жизнь, ограниченная в пространстве, развивалась все вглубь и вглубь, до предельных, доступных человеку глубин, оставляя каждое впечатление, каждую пядь окружающей обстановки до отказа, до последней ее капли!

Мы так часто говорим о необходимости изучать жизнь и представляем это себе непрерывным «пожираанием пространства»: разъездами, перелетами, все большим и большим расширением круга впечатлений; мы так часто издеваемся над теми, кто сидит безвыездно на одном месте, а вот мастерская творца, сумевшего воплотить в образы целую эпоху (и не

одну!), и как ограничена размером эта мастерская, как оседла эта жизнь, как усидчива эта работа писателя! Для восприятия нужен не только объект. Нужен воспринимающий аппарат. И Ясная Поляна дает каждому творцу урок глубины восприятия жизни, потому что жизнь во всем ее богатстве окружает каждый шаг человека, заключена в каждой пяди пространства, в котором он дышит и живет.

2

Идем вслед за экскурсией в главный дом, сперва оглядев снаружи веранду с вырезанными фигурками мальчиков, пестушков и лошадок на ее балюстрадах, знакомую по бесчисленным фотографиям; потом через переднюю со сборными книгами в шкафах и предметами охоты, которой молодой Толстой страстно увлекался, в первую характерную комнату: столовую-зал. Еще с порога вы сразу вспоминаете первую сцену «Живого трупа», когда няня с чайником пришла из детской в общую столовую за кипятком.

Большой и длинный стол посередине светлой комнаты с блестящим самоваром на одном его конце. Но в этой столовой не только ели: здесь собирались, чтоб быть вместе. Тут музицировали (два рояля Беккера, малый и концертный). Среди перечня музыкантов, побывавших в Ясной Поляне, в путеводителе почему-то опущено имя С. В. Рахманинова, который сам мне рассказывал о своем посещении Толстого. Музицировали при свечах, — посетитель должен представить себе особенность освещения второй половины прошлого века с ее влиянием на быт и общение людей. Свечи, консоли, настольные лампы — открытое пламя, пожирающее кислород, живое и трепетное от дуновения ветра, от прошедшего или пробежавшего человека, с очень коротким радиусом действия, освещающее свой угол, свой стол. И в этой комнате лампы и свечи озаряли свои «места действия»: угловой стол, за которым философовали взрослые или слушали чтение вслух; другой круглый стол в противоположном углу, за которым пела, блатала, брэнчала на балалайке молодежь; спокойная кушетка между ними с шахматным столиком возле нее — здесь сражались молчаливые шахматисты. Высокое старое «вольтеровское кресло» у стены, куда отсаживался Лев Николаевич. Так и видишь его с ладонями, засунутыми за пояс своей «толстовки», с внимательным, блестящим взглядом из-под разросшихся бровей...

Портрет на стене — вы сразу угадываете в этом умном, сухом, иссиня выбритом лице вельможи восемнадцатого века холерического старого князя Болконского, хозяина «Лысых гор». И точно, это он, дед Льва Толстого, Н. С. Волконский.

Собранная вместе семья, съехавшиеся знакомые, общение нескольких человек изо дня в день — это не только была жизнь, обычная, повседневная жизнь Толстого. Ему, для его творчества, нужны были люди вместе, как они соотносятся, говорят, реагируют, ведут себя друг с другом. Даже самых близких незаметно втягивала творческая воронка его восприятия. Тетушка Ергольская перевоплощается в персонаж из «Семейного счастья», и вся мизансцена этой большой столовой попадает в роман, — не по ней ли, не вдоль ли анфилады следующих за нею комнат проходят об руку молодые шутивым, озорным шагом на страницах того же романа? И разве не за этими роялями разыгрывается страстная трагедия «Крейцеровой сонаты»? Толстой всегда признавался в широком использовании своих близких для образов творчества.

Всем известно его признание, как из двух сестер Берс, своей жены Софьи Андреевны и Татьяны Андреевны Кузьминской, «смешавши их», он получил свою Наташу Ростову — такую непохожую ни на первую, ни на вторую.

Семейная хроника, история дедов и бабушек, теток и дядей, судьба родных братьев — все переплавлялось в громадных полотнах Толстого, служило ему пищей, первым материальным истоком для зарождения романа.

Хранители «Ясной Поляны», показывая книжные шкафы, полные книг (их составили главным образом присылаемые книги с авторскими посвящениями, полученные по наследству, нужные по ходу работы), говорят посетителям об огромной начитанности Толстого, о количестве поглощенных им книг на нескольких языках. Но мне кажется, не это характерно для Толстого или даже это совсем не характерно для него. Толстой не был книголюбом, любителем, собирателем, пожирателем книг. Он и читал, как жил, не вширь, а вглубь. Но зато как он умел прочесть немногое, нужное для него!

Не все знают, что романом «Анна Каренина» он обязан Пушкину, его неоконченному отрывку в три странички: «Гости съезжались на дачу...» Об этом он писал в своем неотправленном письме к Н. Н. Страхову. И сейчас, после признания Толстого, перечитывая этот отрывок, мы в нервных движениях Зинаиды Вольской, влюбленной в умного фата Минско-

го, в их трехчасовом сидении вдвоем на балконе, вызвавшем недовольство хозяйки и гостей, узнаем черты Анны Карениной и Бронского, первый очерк их любовной драмы. Но как сумел прочесть и отжать этот отрывок сам Толстой, писавший в одном из своих писем, что чтение Пушкина если возбуждает к работе, то безосшибочно.

Из столовой переходим в маленькую гостиную, где у стены стоит столик, за которым, до появления ремингтона, Софья Андреевна от руки переписывала рукописи Толстого, иногда до семи раз и даже (отдельные места «Войны и мира») до девяти. Перепишет, а он опять все перечеркает, переправит и снова дает ей переписать, чтобы снова править и править, улучшать, приближать к правде, к выражению правды жизни в искусстве.

Третья комната в этом ряду — последний кабинет Льва Толстого с немногими любимыми вещами, сопутствовавшими ему при переездах из одной комнаты в другую, с этажа на этаж. Перед письменным столом стоит маленький детский стул. Ясноглазый Лев Николаевич был близорук, но очков не носил. Чтоб лучше видеть бумагу перед собой, он писал, держа ее почти под глазами, а для этого сидел очень низко, чтоб стол приходился по самую грудь. Эта нелюбовь к очкам, желание видеть самому, своими глазами, характерна не только для Толстого: Гёте всю жизнь терпеть не мог очков.

На письменном столе бронзовая собачка с поднятой лапой (пресс-папье), большой кусок зеленого стекла с выгравированной на нем золоченой надписью — подарок от рабочих и служащих Мальцевского стекольного завода. Когда в 1901 году православная церковь «отлучила» Толстого, они прислали ему это зеленое стекло-письмо с такими замечательными словами: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубоко чтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим великим, дорогим, любимым». Еще одно притягивает внимание на письменном столе Толстого — книга, видимо, зачитанная, выписанная им самим, а не полученная в подарок: И. И. Иллюстров «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках».

Семью и гостей, людей своего социального круга, Лев Николаевич имел, как живую натуру, всегда под рукой. Но и главный предмет своего творчества, основного героя романов

и других произведений своих — русский народ, простых русских крестьян, он тоже имел всегда перед глазами, и не только перед глазами. Рядом с усадьбой была и деревня Ясная Поляна. Каждого крестьянина и семью его Лев Толстой знал, как своих домашних, знал по имени, по судьбе, по интересам и нуждам очередного дня. С ними он косил, как Левин в «Анне Карениной», свой «Калиновый луг», пахал с ними, обучал их ребят. К нему под «Старый вяз» приходили они за советом и помощью.

В 1873 году, когда Толстой писал «Анну Каренину», художник Крамской, гостивший в Ясной Поляне, писал с него два портрета маслом (один — для Третьяковской галереи, другой — для семьи Толстого). С полотна Крамского глядит на нас не совсем обычный Лев Николаевич, сильный, мужиковатый, средних лет, весь заросший черными волосами, с широкой черной бородой, с умным и по-крестьянски деловитым взглядом — «вылитый», как сказали бы читатели, Константин Левин из «Карениной», любимый герой Толстого, в котором так много от самого Льва Николаевича. Надо хорошо помнить и этого, еще молодого Толстого, когда ходишь по Ясной Поляне.

В каждой комнате усадьбы: в светлой одинокой спальне Толстого с ручным умывальником (воду для которого он часто приносил сам и ездил с бочкой за ней на родник), в тесно уставленной всякими безделушками и рукоделием, в увешанной фотографиями спальне Софьи Андреевны, в секретарской с ремингтоном, одно время тоже служившей кабинетом для Толстого, наконец, внизу, в первом этаже, в знаменитой комнате под сводами, любимой Львом Николаевичем (ранний его кабинет), и в других помещениях нижнего этажа много интересного, о чем хотелось бы рассказать подробно. В комнате с нишей (где стоит бюст любимого старшего брата Толстого), тоже бывшей одно время кабинетом Льва Николаевича, положили его тело, привезенное из Астапова. И тут же скамеечка, на которую поднимались, чтоб приложиться к покойнику, яснополянские крестьяне, приходившие проститься с ним... Но всего не опишешь в коротком рассказе, и за окном, где уже опадает дождливый августовский день, весь пропитанный сыростью, ждет вас богатство яснополянского заповедника.

Неисчерпаемы красоты толстовских описаний природы. До сих пор люди моего поколения наизусть помнят отрывок о приходе весны из «Анны Карениной», заученный в школе

наизусть. И все разнообразие красок и времен года, вся прелесть описаний леса, лугов, полей, рек, ночного звездного неба, летней грозы и буйного снегопада — все это взято здесь, у родной земли, на небольшом пространстве Ясной Поляны, где Толстой близко изо дня в день наблюдал природу, сам сеял и сажал, косил и полол, заводил меринов и ходил смотреть ночью отелившуюся корову Паву, стрелял зайцев и вальдшнепов, приносил с прогулок дикие полевые цветы, увлекался пчелами и сам делался пасечником. Всем этим великий писатель жил, и все это бессмертно зажило на его страницах. Но как страстно рвался, как неутомимо дорабатывался Толстой до правдивой передачи природы, казалось бы, знакомой ему, как своя рука!

Нам посчастливилось напоследок попасть в одну из экскурсий. Шли школьники в фартучках, ведомые профессором К. С. Семеновым, автором поэтического путеводителя по заповеднику Ясной Поляны.

Мы остановились в густом дубовом лесу, и К. С. Семенов спросил школьников с улыбкой, говорившей нам, что он не первый раз спрашивает и заранее знает ответ:

«Какое место из Толстого вы выучили наизусть в классе, девочки?»

Школьницы хором, в несколько голосов, стали декламировать страницу о знаменитом старом дубе. Едет князь Андрей в свои рязанские имения и вдруг видит старый, искривленный, сухой дуб, мертво выделяющийся среди ожившей весенней природы, сухой и безжизненный, как сам он, князь Андрей, в эту минуту. А побывавши проездом в Отрадном у Ростовых, где он подслушивает ночью Наташу, и с ее свежим, молодым голосом в памяти возвращается обратно, видит он также дуб, но уже зеленеющий, помолодевший, оживший.

— Вот, девочки, — говорит К. С. Семенов, — дуб этот взял Толстой отсюда, из Ясной Поляны. Но он не один раз переносил это место в «Войне и мире». Посмотрите на здешний лес: здесь дубы, но нет березок, а у Толстого в романе дуб стоит, окруженный березами; здесь нет елок, а у Толстого говорится о мертвых елях; здесь была тогда Тульская губерния, а он перенес свой дуб в Рязанскую. Почему, угадайте.

И пока дети обдумывали ответ, сам подсказал им:

— Правда в искусстве имеет свои требования. Если б он в точности описал дуб в дубовом лесу, то этот дуб среди других вряд ли мог бы остановить на себе внимание князя Андрея, и потому он перенес дуб в березовый лесок. Мертвые ели

понадобились ему для усиления контраста между свежим, молодым березовым лесом и одним-единственным сухим дубом. А в Рязанской губернии, где дуб — исключение, встреча с этим дубом и бросившийся в глаза образ его художественно естественней, чем если бы дело произошло в Тульской губернии, где дуб не редкость и не исключение. И посмотрите, как правил Толстой это место. В первом варианте у него сказано о том, что березки распустили свои листочки и у орешника висят желтые цепочки цветов, ведь это хорошо, красиво. Но во втором варианте он вычеркнул эти желтые цепочки. Почему? Потому, что когда береза раскрывает свои листья, орешник уже отцвел, и одновременно это никак не могло быть. Здесь Толстой боролся за точное изображение природы. Точность в передаче природы и художественная правда в построении образа — вот чего добивался Толстой, описывая, казалось бы, такие знакомые ему, знакомые всем, родные картины природы...

Девочки внимательно слушали. И мы слушали вместе с ними живую речь экскурсовода. И думали, какой великий урок жизни и творчества дает нам в Ясной Поляне гений Льва Толстого! В «Анне Карениной» есть место, где Левин, разговаривая у себя в имении со Степаном Аркадьевичем Облонским, вспоминает об оскорбительном отказе Китти и «как будто свежее, только что полученною раню зажгло его в сердце». Но Толстой говорит о нем, что он сейчас у себя дома, а «дома и стены помогают». Толстой любил эту свою мысль, он испытал ее на себе. Дома и стены помогают — стены яснополянкой усадьбы, ее родная земля, ее люди, каждая вещь, сопутствовавшая ему в обыденной жизни, — все это помогло великому писателю земли русской глубоко заглянуть в жизнь и отразить ее с бессмертной правдивостью высокого искусства.

Тула, 1953.



КЕРЧЕНСКАЯ СЕЛЕДКА

1. Конференция в Керчи

Зайдите в любой рыбный магазин нашей столицы. Взгляните на витрину — какое множество сельдей: дальневосточная, тихоокеанская, каспийская, полярная... Нет только одной, и

этой одной вы почти нигде не найдете. Столетняя слава и гордость русского рыбного рынка, самая вкусная сельдь в мире — керченская — исчезла. Да что столетняя! Две с половиной тысячи лет назад в Керчи ловили и солили ее; киммерийцы, скифы, греки, византийцы ели ее. В древнем городе Тиритаке на Керченском берегу, раскопанном сравнительно недавно, открыли целый рыбный комбинат из шестнадцати каменных ванн для соления рыбы, а рыбы кости, найденные в них, оказались селедочными. Что же прервало двухтысячелетнюю традицию? Куда исчезла знаменитая керченская сельдь?

Чтоб ответить на этот вопрос, я поехала в город Керчь, названный скифами в древности «Пантикапеем», то есть рыбным пунктом. Мы ехали машиной из Феодосии через весь вытянутый между двумя голубыми морями (Азовским слева и Черным справа) равнинный Керченский полуостров. Справа и слева уходила к горизонту земля, уже убранная, кое-где слабо зеленевшая озимыми. Редкие стада щипали сухую травку возле дороги. Редкие деревушки — в десятке километров друг от друга. И только в самом начале пути необычное, сказочно-странное видение, словно из гоголевской «Майской ночи», — белые, длинные, многооконные дома, неподвижно отраженные в пруду — нет, не в пруду, а в куске мертвого зеркала, брошенном на мертвую землю. Таким неподвижно каменным стояло это отражение в твердой, мертвой и все же прозрачной поверхности чего-то, что должно было быть водой, что мы остановили машину, и я побежала к берегу. Почта подо мной гнулаась и приминалась, как торфяная, а следы прошивались серебром, проступавшим из-под земли. Чем дальше, тем больше серебра, покуда не захрустело оно под ногами. Тяжелое прозрачное зеркало оказалось соленым озером, а усадьба за ним — солеварней.

Чем дальше в глубь полуострова, тем ощутимей недостаток влаги. Даже название районного центра «Семь колодезей» напоминает о воде. На полпути от Керчи пошла скудная, серо-пепельная от пыли цепочка лесных насаждений, бежавшая вдоль дороги несколько километров. Видно было, как выживали каждое деревцо и как трудно, а все-таки прижились они здесь. Казалось бы, бедность вокруг. А вот же, деревня в садах, нарядные домики под черепицей, жирные гуси, табунок золотистых коней. Проходившая женщина рассказала нам, что тут, слева, овощной совхоз, строится томатная фабрика, выращивают в основном помидоры. Миновали и эту деревню и еще озерко, откуда берут целебную рапу для здрав-

ниц, и перед нами в кружеве каких-то металлических сооружений открылось опять море, Керченская полукруглая бухта с далеким Таманским берегом перед нею — весь этот ни с чем не сравнимый своеобразнейший пейзаж, где глубокая, тысячелетняя древность переплелась с остройшей современностью. С какой бы стороны ни въезжали вы в Керчь, земля вокруг вас взрыта, на горизонте бугры, насыпанные рукой человека тысячи лет назад. Похожие на гигантских кузнечиков, присевших перед прыжком, металлические сооружения, мелькнувшие перед нами на горизонте, оказались «отвальными мостами» — машинами для отвалки керченской железной руды, лежащей вокруг в несчетном изобилии. И там же, где отваливают руду, раскапывают и древний военный город Илу-рат. В зоне железной дороги раскопана Тиритака, на территории заводской стройки разрывается некрополь — древнее кладбище простых людей, с орудиями их труда, знаками профессии: точильным камнем, торговыми гирьками, — и археологи всюду работают бок о бок с железнодорожниками, инженерами, каменщиками. В двух километрах от Керчи раскопана античная сельскохозяйственная усадьба с винодельней, скотным и птичьим дворами, и мы видим, как трудились на этой безводной земле люди задолго до нашей эры.

Нигде в мире, пожалуй, не ощущаешь так слитно и неразрывно жизнь человеческих поколений, бессмертное продолжение жизни, как именно в Керчи, среди ее археологических раскопок и современнейшихстроек... С этими мыслями въехали мы в город, где старенький, тесноватый, жутко разрушенный и еще не восстановленный после войны центр окружен полукругом молодых, бурно разрастающихся заводских окраин.

Гостиница, наполовину достроенная, была переполнена. Я попала в разгар научной конференции по Азово-Черноморскому рыбному бассейну и словно в Москве очутилась: знакомые по биологическим сессиям лица, седовласая голова и генеральские погоны большого ученого, академика Е. Н. Павловского... Видно было, что эта конференция имеет важное значение, что она связана с новыми решениями нашего правительства, с повышением плана вылова рыбы для Азово-Черноморья на целый миллион центнеров в новом трехлетии.

Азово-Черноморье по добыче рыбы занимает в нашем Союзе только четвертое место — за Дальневосточным, Баренцово-Белым и Каспийским рыбными бассейнами. Но все же оно дает почти вдвое больше рыбы, чем Балтийское и Северное

моря, вместе взятые. И дело тут не только в количестве. Советский народ с его землей от океана до океана, с огромнейшим разнообразием природных условий его рек и морей может выбирать себе по вкусу любую рыбу, а среди них азово-черноморская — одна из самых вкусных. Еще до революции славилась дешевая вяленая тарань с ее красноватым, сухим, необыкновенно вкусным мясом и плотной оранжевой икрой. Шамая и рыбец в их янтарном жиру, мягкие, почти прозрачные, вообще не имели соперников на закусочном столе. В черноморских санаториях, Геленджике, Гаграх любил копченую барабульку, с которой легко, как перышко, сдвигалась чешуйка, а мясо было мягко и вкусно. О керченской сельди нечего и говорить: на любом мировом конкурсе разных сортов селедок она вышла бы на первое место. Но список еще не исчерпан. А кефаль, скумбрия, камбала? Лещ, судак, ставрида, пелагида? Все это ценная рыба. И если прибавить к ней севрюгу и осетра, настоящие сардины и шпроты (а не барабульки и тюльки, изготовленные под сардину и шпрот), то дары Азово-Черноморья предстанут во всем их богатстве.

Ставя огромной важности задачу повышения потребления в Советском государстве, наше правительство имело в виду вовсе не одно только увеличение количества продуктов. Во всех приказах и постановлениях отразилась забота о повышении качества продукта. Отразилась она и в приказе министра легкой и пищевой промышленности от 23 августа, где ясно и недвусмысленно говорится о выпуске улучшенного ассортимента рыбы, об огромных мероприятиях по улучшению ее обработки и т. д., а в части Азово-Черноморья так прямо и сказано, что того самого миллиона центнеров, на который должен возрасти улов здешней рыбы в 1956 году, необходимо достичь путем увеличения вылова ценной рыбы. Новый план возрастает, значит, за счет именно тех вкусных и питательных сортов, которые я перечислила выше. Прежде чем пойти с читателем на керченскую конференцию по рыбе, надо нам крепко запомнить именно эти ясные указания партии и правительства.

Итак, с корабля — на бал, из машины — на конференцию, проходившую за неимением подходящего помещения у города в театре эстрады. Лучшие люди бассейна собрались здесь, не говоря уж о столичных гостях: ученые из местного института, с экспериментальных баз, рыбные инспекторы, самоотверженные болельцы за рыбу, знатные рыбаки, чьи имена гремят

по всему Крыму и Приазовью, изобретатели, механизаторы, делегаты с Кубани и Дона.

Первые доклады носили спокойный и познавательный характер. Они вводили собравшихся в тайны морей, Черного и Азовского, знакомили с постепенным изменением взгляда ученых на эти моря. Черное, например, считалось бедным: на дне его ядовитые скопища сероводорода, кормовая растительность почти отсутствует, рыба не мечет икры, не размножается в его негостеприимных водах... Но вот найдено в них множество икринок шпрота, установлено икрометание в Черном море пелагиды и тунца, в самом сероводороде обнаружено присутствие жизни, микроорганизмы. И уже вместо бедности заговорили о богатых рыбных запасах Черного моря. Другой доклад также последовательно и методично ввел нас в историю развития орудий лова, начиная с обыкновенных рыбацких неводов и до активных кошельковых сетей.

Представляешь себе весь огромный запас человеческой энергии, тратящийся на освоение и познание морских глубин; всю смекалку и остроумие в поисках за лучшими производственными орудиями лова, наконец, весь этот мир непрерывной практики, борьбы со стихиями моря и ветра, чудесных, загорелых, сильных людей, потомков смелых беглецов, когда-то бежавших от царя и крепостничества на «вольные земли» и положивших начало потомственным родам керченских рыбаков. Невольно думаешь: конечно, вся эта энергия обращена на вылов самой замечательной, самой лучшей рыбы Азово-Черноморья... И вдруг в ваши уши залетает комариное словечко «хамса». Оно начинает звучать в выступлениях все чаще и чаще. Вы припоминаете, что такое хамса? Мелкая, жирная морская рыбка, которую в детстве когда-то, если жили вы в этих краях на морском побережье, с удовольствием поедали и в ухе и на сковородке, потому что свежая, прямо из сетей, она приятна на вкус. Но ведь ее, ростом с мизинец, не доставишь свежей за тысячи верст. И ее так ничтожно мало делают в хорошей обработке. Память рисует вам ларек где-то в Подмоскowie, пропахшего рыбой мрачного продавца и гору какой-то мелкой, сухой, изогнутой, как стручки, соленой рыбешки, которую он неуважительно сыплет из ящика на весы, продавая без обертки («несите свою»). Как попала она сюда, в речи больших труженников моря, эта хамса? И оказывается, что Азово-Черноморье, не выполняющее плана из года в год, забывает свои прорехи именно хамсой. Львиная доля плана покрывается ею. Усилия ума и смекалки конструкторов, ме-

ханизаторов, знатных мастеров лова, морские флотилии, сети, — словом, все, о чем мы тут слышим, брошено почти целиком на вылов хамсы. И, словно в ответ на наши невольные мысли, встает новый оратор, рыбак из Керченского рыболовецкого колхоза имени Сталина, мастер высоких уловов, бригадир Ткаченко. Он говорит: «Нам надо на миллион центнеров повысить улов ценной рыбы. Ученые уверяют, что она есть в море. Но мы вместо поисков и усилий с молчаливого, а иногда и письменного согласия главка план выполняем за счет молодежи. А на следующий год понижается запас ценной рыбы. Ловим нитку, а куда она годна? Говорят, годится на кормовую муку. Но какая из нее мука? Непитательная продукция!»

Страстно поддерживают его другие рыбаки. О том же говорят научные работники. Инспектор рыбного лова тов. Пурик напоминает, как тов. Микоян еще в 1936 году на приеме работников рыбной промышленности говорил о необходимости воспроизводить рыбу, давать ее запасам возобновляться, хозяйничать культурно. А мы? Запасы самой ценной рыбы у нас подорваны, мы стремимся выловить «числом поболее, ценою подешевле», а числом поболее идет мелкая рыба, она ловится ставными мелкоячейными сетями, и в эти сети попадает молодь крупной рыбы, гибнет до 30 процентов молодежи ценной сельди. Гибнет огромное количество молодежи севрюги — в результате общий улов осетровых из года в год падает!

Все в зале ждали с нетерпением (и мы тоже), что скажет на это заместитель начальника главка азово-черноморской рыбной промышленности. И все в зале (как и мы тоже) были разочарованы его выступлением. Вместо того, чтобы собрать и обобщить в своей речи все сложности и препятствия, затрудняющие рыбакам вылов ценной рыбы, и обещать ударить по этим препятствиям, объявить им борьбу, устранить их, вместо мобилизации рыбаков на точное выполнение приказа министра он сказал (стенограмма): «Сейчас мы не можем переходить на дорогостоящие породы, сразу не можем... Мы можем хамсой на 80% заменить дорогостоящую рыбу».

Так в первый же день по приезде в Керчь удалось мне подвинуться на шаг — пока только на один короткий шаг — в решении вопроса, куда же делась керченская селедка. Но конференция дала еще и другое знание. Она показала, как борются сами рыбаки за правильный, государственный, а не формальный подход к выполнению плана, как широко и ясно понимают они ответственность не только перед сегодняшним,

но и перед завтрашним днем советского рыбного хозяйства и как смело начинают поправлять и подталкивать в этих вопросах своих ведомственных руководителей.

2. Вопросы лова

Трудно представить себе место, более облащенное природой, нежели Керчь. Начать хотя бы с ее положения на стыке между двумя морями. Они разные по климату и по богатству. Азовское холоднее, но богаче кормом для рыб. Черное теплее и удобнее для зимовок. Сельдь, например, боящаяся холода, идет весной для нагула и нереста в Азовское море, а зимовать отправляется в Черное. Сколько удобств для рыбьего царства в этом удивительном месте, именуемом Азово-Черноморским рыбным бассейном! Длинные косы, вдвинувшиеся в пролив со стороны Таманского берега, чудные илстые лиманы Приазовья, удобный Таганрогский залив — этот детский сад для рыбьего потомства, куда скатываются ежегодно миллионы мальков, — простор для путеплавания, а ведь вся рыба живет в этих длинных и долгих странствиях, во время которых рыба нагуливает жир, совершенствуется физически, приобретает вкусовые качества...

И в самой Керчи, на Керченском полуострове, все под рукой для рыбной промышленности. Соль, нужная для засола, добывается тут же. Помидоры для консервов возвращает керченская земля. Напоить ее — и весь полуостров покроется садами, сможет стать овощной базой для Крыма.

Но вот в этих на редкость удобных и счастливых природных условиях начали поступать тревожные сигналы от древнейшей обитательницы этих мест — рыбы. Казалось бы, живи, жирей, размножайся, но уловы ценной рыбы стали год от году падать. И сама рыба, по утверждению научного работника Доно-Кубанской станции кандидата технических наук тов. А. П. Миндер, стала худеть: «За последние 5—10 лет наблюдается понижение жирности рыб и их вкуса. Лещ средних размеров, например, имел раньше 8—12% жира, а сейчас только 4—6%; хамса раньше имела 20—27%, а сейчас только 16%».

Что же изменилось в природных условиях Керчи, так повлияв на морское население? Старые, опытные керченские рыбаки из здешних колхозов могут рассказать вам это простыми словами. Все живое любит чистоту своего жилища. И рыба любит чистое, спокойное, знакомое дно, любит свои при-

вычные течения, свои атласные илистые азовские лиманы, особо любимые таранью. Но лиманы зарастают камышом, и рыбаки, знающие рыбы повадки и нужды, в прошлом выкашивали камыши, чтоб очистить для рыбы проходы; при половодье Кубани сама река разбивает камыши, разливается протоками, где рыба может пройти, и тогда вдруг снова появляется тарань, как случилось в 1935 году. Но это бывает редко, а лиманы зарастают все гуще, потому что сейчас и уже много лет человек перестал заботиться о своей кормилице: никто не очищает лиманов, не косит камыша, не прорывает для рыбы протоков, потому, что это «нигде не предусмотрено». И первое, что необходимо сейчас сделать, — это предусмотреть покос камыша на лиманах, мелиоративные работы, благоустраивающие рыбы пути и жилища.

Однако это еще не все. Чудесные косы, словно созданные для рыбных приютов и, значит, для успешного рыболовства, как длинная бахрома, протянулись с берегов в пролив; среди них такие большие, как коса Чушка и коса Тузла. Но о Тузле лучше и не заговаривать с керченскими рыбаками. Коса Тузла была их золотым дном, сюда подходило теплое течение из Черного моря, и здесь оно задерживалось, а вместе с ним задерживалась и сельдь, когда в феврале — марте она возвращалась в Азовское. До пяти тысяч простых сетей выставляли на нее рыбаки, не считая волокуш и других орудий, и брали ее десятки тысяч центнеров. Хорошо ловилось тогда и у других кос — Чушки, Опасненской, Камыш-Бурунской...

Но четверть века назад Тузлинскую косу прорвало, и образовалась та самая Тузлинская промоина, или «прорва», как ее называют рыбаки, о которой здесь слышишь чуть ли не на каждом шагу. Холодное течение из Азовского моря ринулось в эту промоину к Черному, разгоняя рыбу, и сельдь уже не может задерживаться у Тузлы. Вот почему пал ее улов. И не одна сельдь. Если ее здесь теряется для вылова по несколько тысяч центнеров в год, то сотнями тысяч можно исчислить потери и на хамсе. Рыбаки требуют: закройте Тузлинскую промоину! Как язва у человека, нам эта прорва!.. И уже десять лет идет гадание, как на лепестках ромашки, «любит — не любит»: закрыть — не закрыть? А сделать это, чтобы вернуть нормальный водный режим в проливе, необходимо и возможно: горы доменного шлака целым хребтом стоят на берегу, из них делается бетон, и хватит этого бетона на десятки таких промоин и десятки нужных строек.

Наконец самое дно пролива. Внимательным глазом можно заметить возле одной из кос странное вагнеровское видение корабля-призрака: мрачной какой-то мелодией поднимается из волн остов мертвого судна, весь заросший ракушками, облепленный водорослями, затянутый плесенью времени. К нему никто не приближается, его никто не трогает, хотя, может быть, в нем есть нужный и ценный для людей груз. А корабль не один. Морское дно не было очищено после войны, и сейчас оно похоже на кладбище техники, захламливающей острым железом старинные рыбы пути.

Похороненная техника мстит живой, передовой технике — она мешает ей войти в жизнь. Дело в том, что из всех орудий лова самый прогрессивный сейчас в этом бассейне активный лов так называемыми большими кошельковыми сетями. Он прогрессивен не только потому, что дает большие уловы и позволяет брать массовые скопища рыбы, когда она в открытом море идет косяком. Он прогрессивен и потому, что широкое его применение позволило бы упорядочить пользование ставными неводами. Именно в эти ставные невода вместе с хамсой постоянно попадает молодь ценных пород. Рыбаки рассказывают: вынешь такую сеть в Таганроге в июне, и глядеть больно: совсем как голубой туман на горизонте, голубым светится в котле, полном мальков, которые в этом месяце кишмя-кишат в заливе, — миллиарды будущих рыб пропадают... Так вот, широкое и умелое ведение кошелькового лова могло бы положить конец безобразному уничтожению молоди, потому что кошельком, как сказано выше, ловятся косяки рыбы, а в косяк никакая молодь ценных пород не попадает, рыба идет однотипная... Но захламленное морское дно мешает кошельковому лову. Тонкая сеть кошелька рвется на глубине, и рыбакам с ней хлопот полон рот; даже так называемые малые кошельки, и те рвутся: из 100 непременно 75 за каждый замет будут с обрывами.

Ясно, как белый день, что очистка дна пролива — неотложная задача. Но вот оказывается, — эта ясная задача не по вкусу главку азово-черноморской рыбной промышленности. Там смотрят сквозь пальцы на предпочтение рыбаками старых, менее прогрессивных орудий лова, в частности кольцевых неводов, а добыча ими почти вдвое меньше: зимой в Черном море, например, там, где кошельком взято 2350 центнеров хамсы, кольцевым неводом поймано лишь 1220 центнеров. Не то же ли это, что тянуть колхозника с трактора на конную тягу, с механической картофелекопалки на ручную?

Рыбаки отлично это понимают. Умный и государственно мыслящий бригадир колхоза имени 12-летия Октября А. Н. Горбенко сказал на конференции в адрес главка:

— Министр нам приказывает устранить все то, что мешает успешному лову. Захламленное дно пролива мешает успешному лову. Значит, надо очистить пролив. А главк вместо этого принимает решение пустить в пролив 50 кольцевых сеток и малых кошельков. Что это, как не обход препятствий, желание уйти от прямой задачи — очистки пролива путем отказа от более прогрессивных орудий лова?

Да, приведение в порядок азовских лиманов, очистка дна пролива, заделка Тузлинской промоины — это все трудоемкие, дорогостоящие, длительные работы, а план выполнять надо. Но ведь от того, что мы вчера вывернулись на хамсе (загубив с нею миллиарды ценной рыбы), сегодня вывернемся на лове кольцевыми неводами (отмахиваясь от блестящих усовершенствований большого кошелька, от успехов отдельных знатных рыбаков, от усилий таких изобретателей и рационализаторов, как товарищи Овчаренко, Столяренко и другие), — от всего этого нам не станет легче завтра, а, наоборот, станет еще труднее. Представим себе на миг завтрашний день бассейна: правительство направит сюда большую технику; сотни голов обмозгуют новые активные глубоководные орудия лова; миллионы будут отпущены на усовершенствование этих орудий, и все это, как новая, блестящая, дорогая мебель, въедет в грязную, неприбранную, запущенную, захламленную квартиру. Не должно этого случиться!

Именно увеличение плана добычи позволяет ставить и решать радикальные задачи, решение которых только и поможет его выполнить. Вот как надо смотреть на дело, в просторечии это называется «взять быка за рога». И после очистки станет на очередь одновременно с широким развитием активного лова мудрый, хозяйский вопрос об упорядочении самой технологии лова, об отношении человека к рыбе.

Мы засиделись как-то в правлении одного керченского колхоза. Чудесные люди, богатырь к богатырю, от пожатия которых вашу руку ломит до самого плеча, разговарившись, давали мудрые советы, как помочь общему делу. Советы были разные, но в каждом из них чувствовался не только большой опыт многих и многих лет ловли: нечто неуловимое, отсутствующее и в докладных записках специалистов и в книгах ученых почуялось в них — особенное, знающее, теплое отношение к рыбе.

Один сказал: «Сейчас все побережье уставлено ставными неводами, рыба идет, и пять тысяч препятствий на ходу, — нет ей покоя! А рыбе не только планктон, ей и покой нужен. Вот и теряет вкус, да и размножается меньше». Заговорили о перегородках, какие сейчас рекомендуются в ставных сетях для отделения более крупной молодки сельди от хамсы и тем хотя бы частичного ее спасения. «Ну что ж перегородка, — сказал другой рыбак, — молодка, она нежная, в хамсовой гуще, пока до перегородки дойдет, сколько ее поранится; а при самой пустячной ранке ей все равно не жить, не вырасти. Это как снять с человека последнюю рубашку, да и выпустить на волю — иди, бог с тобой!»

Множество услышанных нами речей — и от рыбаков, и от инспекторов рыбного лова, и от работников экспериментальной базы и местного института Азчерниро, — если разобраться и подытожить общее в них, сводится вот к чему: самое крупное зло — это массовая установка мелкоячеистых ставных неводов в Азовском море в июне, когда скатывается туда с нереста молодка сельди, а в Керченском проливе в весенний (апрель — май) и осенний (сентябрь — октябрь) периоды ловили хамсы. Как раз тогда она идет тощая и невкусная, а ловить ее в проливе лучше всего в декабре и кошельковым методом в открытом море. Ставные сети следовало бы выпускать с укрупненной ячеей — не меньше 22 миллиметров, чтобы никакая молодка в них не задерживалась, а вообще-то упор делать на активный лов. Хорошо бы на какой-то период, на год — два, сделать запрет лова мелкоячеистыми сетями — в Керченском проливе весной, а в Азовском море в июне — июле, — тогда запасы сельди быстро восстановились бы. Вот эти немногие положения слышали мы буквально от всех, начиная с простых рыбаков и кончая инспекторами лова. Многие считают, что делать кошельковые сети надо из капрона, а не из хлопчатобумажной пряжи, как сейчас, потому что с последними зимою работать невозможно, так трудно их всякий раз просушивать, и это мешает популяризации кошелькового лова.

Сами рыбаки давно стремятся ловить крупную рыбу вместо той «нитки», о которой они говорят с сокрушением. Колхоз имени 1 Мая, находящийся на самом левом краю полукруглой Керченской бухты, возле выхода пролива к Азовскому морю, давно мечтает о том, чтоб его специализировали именно на такой ловле. Председатель колхоза М. М. Запорожец, стоя у карты, говорит нам: «Все условия сошлись, чтобы нам тут

специализироваться на ценной рыбе. Мы, как говорится, прямо на ее перехвате, когда она идет осенью, нагулявшаяся, из Азовского в Черное; мы тут первые, никак она не минует нас. Этот вопрос мы обсудили и на заседании правления и на общем собрании; решено обратиться в министерство с ходатайством: специализировать колхоз имени 1 Мая на ценной рыбе!» Почин М. М. Запорожца, думается нам, следовало бы поддержать как первую ласточку больших перемен, назревающих в рыбном хозяйстве Азово-Черноморья.

3. Вопросы обработки

Рыба принадлежит к числу так называемых скоропортящихся продуктов. По мере вылова ее надо есть или так обрабатывать, чтобы она могла выдержать и большие расстояния и большое время. Поэтому все вопросы улова и увеличения улова превращаются в вопросы «абстрактные», если они не связаны теснейшим образом с вопросами обработки рыбы. И тут сразу же в Азово-Черноморье мы сталкиваемся со своеобразной местной «диалектикой рыбной промышленности».

Больше всего в Черном море вылавливается хамсы и тюльки: план стараются выполнить именно за счет этой рыбы, так как ловить ее легче и лов ее широко освоен, а самой этой рыбы в море очень много, в то время как ценные сорта ловить труднее, массовый лов их почти еще не освоен, и только сейчас, например, предлагаются усовершенствованные орудия лова на кефаль, которой в море тоже очень много и вылов которой можно было бы увеличить по крайней мере в два раза.

Дельфин — романтическое животное Черного моря, воспетое еще древними греками, — добит вкусную рыбу и поедает ее во множестве. Ученые вычислили, что этот античный зверь фактически «держит в своих руках весь рыбный промысел Черного моря», поскольку мы научились покуда брать с одного гектара этого моря всего два килограмма рыбы, а дельфин берет 50 килограммов с гектара. Так вот, мы еще уступаем дельфину пальму первенства по вылову ценных рыб и довольствуемся покуда массовой рыбкой — хамсой и тюлкой.

Но пусть не думает читатель, что взрослая, вошедшая в тело хамса (не «нитка» по возрасту!) — плохая рыба; нет, это хорошая и вкусная рыба с чрезвычайно большим процентом жира. Попади она к потребителю в хорошей обработке, никто не пожаловался бы. Но что означает хорошая обработка хамсы?

Представьте себе, читатель, что вам надошить одежду на миллиарды крохотных человечков, «мальчиков-с-пальчик». Что легче: одеть полмиллиона людей или миллиард крохотных человечков? Портные с ужасом откажутся от этого последнего заказа, требующего чудовищной кропотливости и старания. Но если заказ обязателен? Тогда портные поищут и найдут выход. Что церемониться с этим копошащимся миллиардом! И вместо того, чтобы шить человечкам подряд рубахи, блузки, штанишки, да еще фасонные, они набросят на них гуртом какую-нибудь марлю, в которую высунут свои ручки и ножки бедные «мальчики-с-пальчик», давя друг друга, задыхаясь, приминая свое тельце и чудовищно его искривляя.

Примерно это самое и получилось у нашей рыбной промышленности с хамсой. Ничтожнейший процент ее обрабатывается маринованием и копчением, редко, редко найдешь этот продукт в магазинах; а вся главная масса — не менее 90 процентов — идет на грубый засол. Но и засол тоже не плохая вещь, если солить аккуратно и укладывать рыбу в бочки рядами. Но на миллиарды не напасешься рабочих рук, миллиарды крохотных рыбок, если их каждую укладывать, потребуют такого количества человеко-часов и такой оплаты, что (даже если удастся найти нужное множество рабочих) стоимость дешевой хамсы вырастет чувствительно. И поэтому в керченских засолочных цехах массовой рыбе оказывают и массовый «подход»: ее сыплют с солью в бочку, где она усердно приминается и наполовину превращается в «лопанец», то есть лопается, вышльская лучшую свою ценность — жир — в соль, иначе сказать, теряя свой вкус и питательность. Такого — высохшей, искривленной, соленой — идет она дальше, как дешевый продукт, отпускаемый на вес без тары, за тысячи километров к неприхотливым потребителям. Можно ли, обзрев все это в совокупности, считать, что такое выполнение плана удовлетворительно для Советского государства?

Но и ценную рыбу, крупную рыбу мы не всегда обрабатываем так, чтобы она дошла до потребителя во всей полноте своих ценных качеств. И тут вопрос упирается не только в недостаток холодильников, механизмов, хорошей тары, нужных цехов. Консервы потеряли многое из своей вкусности и питательности и отчасти даже годности к долгим срокам безопасного хранения оттого, что мы вынуждены были отказываться от употребления прованского масла. Сейчас мы могли бы для наиболее ценных сортов вернуться к этой старой, оправдавшей себя и экономически более выгодной для консервов тех-

нологии (масло — отличный изолятор, и в нем дольше сохраняется консервируемый продукт!).

Не нашли мы еще и секрета такого холодного копчения, при котором продукт был бы так же популярен у потребителя, как быстро портящийся, но вкусный и сразу разбираемый в магазинах товар горячего копчения. А стоило бы проверить в наших рыбных магазинах судьбу многих товаров холодного копчения, — скажем, крупной дальневосточной скумбрии! Сколько ее списывается как испортившийся продукт, сколько изымается санитарным врачом как уже негодной для продажи! Между тем в Москве в тех же магазинах примерно на день — два, а в некоторых на часы мелькнула мелкая черноморская скумбрия по очень высокой цене и была расхвачена молниеносно, потому что москвичи тотчас же оценили ее необыкновенные вкусовые и питательные качества. Почему не продумать этот случай? Ведь убыток на испорченном, непроданном, невкусном товаре — вещь показательная, так же как молниеносная распроданность вкусного товара, и ее-то прежде всего должны были бы принять во внимание руководители рыбопромышленных и планирующих организаций.

Обработка рыбы — большое и старое искусство. И как во всяком искусстве, она имеет своих замечательных мастеров. В керченском колхозе имени 1 Мая, как и в других рыболовческих колхозах, есть свой засолочный цех — нечто вроде филиала большого керченского завода. Это огромный, очень чистый двор с большим рыбонасосом, которым по конвейеру прямо из прибывшего с лова судна высасывается длинным потоком серебристая рыба и поступает в большие засолочные ванны, стоящие тут же. Так чисто в цехе, что нет даже противного запаха сырой рыбы, а вот из дверей открывшегося каменного помещения пахнуло даже очень приятным запахом, каким-то теплым, знакомым, солнечным, — запахом копчения, где к аромату вкусной рыбы еще прибавляется горьковато-аппетитный запах дыма. В этом здании подвешена коптящаяся барабулька, тоже небольшая рыбка, но висит каждая в отдельности, а внизу горят кучи из древесных опилок, горят медленно, и стены вокруг, где коптится рыба, лоснятся от жирной, блестящей черной, атласной копоти.

Здесь мы были посвящены в тайны горячего и холодного копчения, технология которого не изменилась, быть может, не только со средних веков, но и с древних времен. Мастером своего дела работает здесь старый, заслуженный рыбообработчик, уже сорок лет занимающийся рыбой, Спиридон Дмитриевич

Бузина. Худенький, живой, но не быстрый в движениях («Поспешись — людей насмешись»), в очках на прищуренных глазках, словно хотя эти глазки взглянуть на вас не в очки, а непременно из-под очков, Спиридон Дмитриевич просто говорит, без хвастовства в голосе: «Моя рыба — образцовая, когда выходит, на ящиках стоит фамилия Бузина».

Сколько секретов и приемов знает такой мастер! И сколько их, чудесных, старых рыбообработчиков, отлично понимающих все, что требуется для вкусоности рыбы! До сих пор ни разу ни главк, ни министерство не удосужились собрать вот таких старых, опытных мастеров-рыбообработчиков вместе с инженерами и механизаторами на совещание по качеству обработки. И о том, как сделать холодное копчение вкусным, качественным; и о том, какая рыба какой обработки требует, а может быть, дальневосточная скумбрия и вовсе не годится для холодного копчения? И о том, как доставлять кефаль свежей до потребителя (ведь она вкуснее наваги); и о кефальей икре, хорошо изготовленной; и о вялении... Об этом особый разговор! Наш народ всегда, с давних времен любил вяленую рыбу. Попробуйте послать лесорубам в далекие уральские леса вместо бочек с лопанцами хамсы хорошую вяленую тарань! Но, скажут мне, мы ведь вялим воблю, а это — дело сезонное, летнее, вяленая вобла много времени не выдерживает, сохраняется плохо. Это правда, только речь идет не о вобле. Хотя и воблю (сухую, с мясом ржавого цвета, мало питательную) расхватывает потребитель тотчас, как она появляется. Но вобла ни в какое сравнение с таранью идти не может. Тарань крупнее, жирнее, питательнее и несравненно вкуснее. А главное — все дело в вялении. Искусство вяления тоже требует своего мастера.

— Ежели тарань хорошо проявлять, — говорят такие знающие обработчики, — да держать ее в сухом месте, то она смело будет храниться целый год без порчи.

Вот какой ценный, годный для дальних перевозок и долгого хранения и в то же время дешевый пищевой продукт могли бы мы иметь, если бы сумели возродить запасы тарани в Азовском море и создать ее качественную обработку. Вообще совещание старых мастеров рыбообработки вместе с молодыми специалистами могло бы многое подсказать этим последним — и в области улучшения массовой обработки и в области ее механизации.

Жалобы потребителей на то, что некоторые сорта рыбной продукции стали менее вкусными, нежели раньше, отнести

надо не только за счет вопросов обработки. Я уже писала в предыдущей главе, как в научно-исследовательском институте подметили падение жирности у леща и хамсы за последние годы. Знаменитая керченская селедка тоже несколько утратила свою прежнюю жирность. Здесь, кроме упомянутых выше причин — загрязнения дна и лиманов, — играет некоторую роль и сокращение времени нагула рыбы, сокращение путей ее плавания. Жизнь рыбы — в движении. Трудно представить себе те огромные расстояния, которые она «изживает». Смерть рыбы — в неподвижности, в засыпании. И когда на путях обычного продвижения рыбы встречается новое, неожиданное препятствие, путь рыбы сокращается. А это значит, что сокращаются и средства для ее биологического созревания, для ее полноценности. Нам надо научить рыбу обходить новые препятствия.

Так, на пути обычного следования керченской сельди стала Цимлянская плотина. Ее строители не забыли о рыбе, они создали удобный «лифт», по которому рыба могла бы подниматься и опускаться, продолжая свой тысячелетний, знакомый путь. Но создать средства перехода — еще мало, надо приучить рыбу ими пользоваться, а сельдь не пошла к лифту, повернула назад, укоротила свой обычный путь. Между тем наши биологи могли бы поставить задачу выработки у рыбы условного рефлекс на прохождение лифта, освоение его. Пчелы-долго не хотели садиться на клевер, они его облетали. Тогда наши ученые-пчеловоды путем использования аромата клевера притянули пчелок на клевер. Неужели же мичуринский подход к рыбам, — разумеется, иными приемами, нежели к пчелам, — не оправдал бы себя?

В этой области, как и в области разведения и возрастного выращивания рыбы в искусственных и природных небольших водоемах, сделано у нас еще очень и очень мало. А между тем в Азово-Черноморье такие водоемы есть, и кефаль, например, можно было бы в них выращивать в большом количестве. Об этом не раз поднимал вопрос инспектор Крымрыбвода тов. Шадаев.

И еще одно замечание. Из всех видов обрабатывания рыбы, скажет вам любая хозяйка, все же самое вкусное и питательное для человека — это из сети в кастрюльку и на сковородку. Хорошо, если б наше централизованное снабжение всегда имело в виду интересы и нужды людей, не только живущих за тысячи верст от места вылова данной рыбы, но и под самым, что называется, носом у него, — ведь люди-то такие

же, советские, и потребление там такое же, советское, как и всюду. Но попробуйте в Керченской гостинице в разгар, скажем, ловли хамсы или тюльки, а в Мурманской гостинице в разгар ловли семги (о прочих бассейнах не знаю) заказать жаренную на сковородке хамсу или семгу — вы их не получите. Вам ответят: на базе их нет. Попробуйте в Керчи в рыбных магазинах найти керченскую селедку, горячего копчения барабульку, вам предложат полярную сельдь и дальневосточные консервы. Только на рынке, у маленьких досочек, сдвинутых куда-то в сторонку, два — три рыбака-любителя вытащат перед вами из мешка «знаменитую селедочку» и даже «селяву на славу, семь целковых пара».

Множество вопросов притянула за собой эта «знаменитая селедочка», и все же они далеко не исчерпаны.

Керчь, 1953.



ГЛАВЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

1

Старый друг, узнав, что я еду в Керчь, сказал мне: «Вы попадете в сердце нашей археологии! Вы увидите замечательные вещи, о которых в прошлом веке заговорил весь просвещенный мир; пойдите первым долгом в Керченский музей, в склеп Деметры, в Царский склеп!»

Но я не послушала старого друга и тотчас по приезде в Керчь пошла изрытой и крутой дорогой на зеленый горб, одиноко стоящий прямо среди центральных керченских улиц и носящий имя царя Митридата. Поднявшись на него, вы, не выходя из города, прямо попадаете «за город» — на широкий зеленый простор, овеянный неповторимым воздухом Восточного Крыма: смесью соленой морской свежести, и сухого степного запаха полыни, и пожженной солнцем травы. С вершины этой горы при некоторой доле воображения можно охватить мысленным оком весь Керченский полуостров — эту полосу древнейшей земли между двумя синими морями: Азовским и Черным. С вершины этой горы, где некогда понтийский «агрессор» Митридат VI Евпатор покончил, как говорит легенда, с собой, не вынеся поражения, и где сейчас возносится вверх великолепный памятник славы наших войск, можно заглянуть и вглубь времени, увидеть на три тысячелетия

назад, задуматься над пройденными тут ступенями развития разных культур и народов: древних обитателей этих мест — сначала киммерийцев, а потом скифов и сарматов и античных греков, пришедших сюда торговать и «эллинизировать» Крым.

Наконец, с вершины этой горы, стоя вот так, на ветерку, обдающем нас иодистой влагой моря и полынной сухостью степи, неплохо представить себе и всю историю русской археологии, начавшейся на заре девятнадцатого века именно тут, в Керчи, и все прошлое столетие чуть не на девять десятых определившейся именно керченскими раскопками, а сейчас, в советское время, тут же, на керченской земле, с особой остротой пережившей свое новое рождение и свой новый, социалистический расцвет... Словом, многое можно представить себе и обдумать с горы Митридата. И я задумалась, глядя вокруг, не о том, что было здесь три тысячи или две тысячи лет назад, а только о маленьком промежутке времени в сто тридцать три года.

Если б древний пепел земли мог хранить легкие отпечатки человеческих ног, гора Митридата сохранила бы как святыню следы быстрых шагов, проложенных по ней ровно сто тридцать три года назад. Где только не находит советский исследователь эти следы, по каким путям и дорогам, в каких областях культуры не пролегли они, каких только углов не коснулись за короткую жизнь — половину нормальной человеческой жизни! Вскользь брошенное замечание, беглое слово, мимолетный, но орлиной зоркости взгляд — и вспышка молнии для исследователя, на миг выхватывающая контуры из темноты. Сто тридцать три года назад по этим склонам прошел Александр Сергеевич Пушкин.

В сентябре 1820 года он писал из Кишинева своему брату Льву Сергеевичу:

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапей, — думал я, — на ближней горе посреди кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот все, что осталось от города Пан т и к а п е и. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; ка-

кой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится».

В тот год Пушкин мог видеть с горы Митридата жалкий городишко в две улицы; домов тогда в Керчи, по словам историков, было меньше, чем курганов вокруг; пустынные берега с избушками рыбаков и земля, разделенная между крупными помещиками. Правда, в земле было железо, и про железо уже слышали заграничные хищники. Археология, как всегда, рождалась тут случайным следствием экономической и хозяйственной жизни своей эпохи. Роят фундамент дома — и натываются на древний склеп; разрабатывают руду — и попадают в засыпанное веками жилище; пахут землю — и вырывают клады: зеленые от времени монеты, металлические кувшины, глиняную посуду; строят дом — и тащат на постройку лежащие вокруг с незапамятных времен плиты, обтесанные рукой человека, подчас с орнаментом, с непонятной надписью... Так прошлое стучится в жизнь, и сделанное рукой человека тянется из земли опять к человеку. А самое замечательное в этой смычке веков — обжитость, обделанность, обработанность одних и тех же уголков земли, куда упорно, тысячелетиями тянется воля человека, где он снова и снова после пожаров, землетрясений, вулканических извержений, опустошительных войн разводит свои огороды и пашни, закидывает свои сети, строит свои дома и крепости, ограждая их каменными стенами. В этом смысле Керченский полуостров — один из самых благодарных уголков земли для одной из самых, казалось бы, бесстрастных и обращенных лицом в прошлое наук — археологии, — но в действительности страстной и злободневной науки, глубоко связанной с современной ей жизнью.

Сокровища, о которых мечтал Пушкин, были вскорости выкопаны из-под «насыпанной веками» земли. «Француз», которого упомянул он, был, вероятно, археологом П. Дюбрюксом, заложившим своей домашней коллекцией древностей будущий замечательный Керченский музей. Открытый еще при жизни Пушкина, спустя шесть лет после его прогулки на Митридатovu гору, в июне 1826 года, музей этот, гордость Крыма, носит сейчас имя А. С. Пушкина.

Но бурное развитие русской археологии в прошлом веке было сковано и русским самодержавием и русским капитализмом. Деньги на раскопки давались теми, кто хотел получить дорогие античные предметы искусства, достойные украсить тогдашний «императорский» Эрмитаж, бывший личной сокро-

вищницей самодержавцев. А эти чудеса античного искусства находятся обычно в могилах «сильных мира сего», и археологи вынуждены были все свое внимание обратить на раскопку уникальных, единичных объектов: курганов, царских усыпальниц, богатых склепов. Много прекрасного было вырыто ими из-под керченской земли! Дивные, черного лака расписные вазы, тончайшей резьбы деревянные саркофаги царей, изящнейшие ювелирные украшения из золота — все это носило название «керченских древностей», все это пленяет сейчас в витринах Эрмитажа. Кое-что скупленное и просто награбленное во время Крымской войны англо-французскими войсками, оккупировавшими Керчь, было вывезено из России. Русские помещики не отставали от иностранцев. Они рыли древнюю землю и продавали найденное за границу. По керченской земле бродили люди, одержимые «керченской лихорадкой». Советский человек знает и остро переживает чувство находки. Наши детей воспитывает романтика краеведческих экскурсий, когда можно открыть для науки неведомое еще растение, неотмеченную рудную жилку; наши рабочие живут пафосом открития новых, более быстрых и совершенных приемов производства; наши колхозники знают вдохновенную радость открития, когда выводят новые сорта злаков, находят новые способы обработки земли. Даже просто в поисках милого камушка на берегу счастлив советский человек радостью находки. Но как далеки эти радости от горячки купли-продажи! А в прошлом столетии одержимые искатели древностей из «любителей» горели именно этой жадной купли-продажи, подобно авантюристам-золотоискателям где-нибудь в Клондайке. И древности, необходимые для науки, покупались и продавались; керченские лавки были полны ими. Тщетно пытались археологи бороться с расхищением драгоценных свидетельств истории: на суде оправдывали расхитителей.

Если все же стараниями русских ученых русская археология прочно стала на ноги, а вырытые керченские древности во многом помогли изучению древнего Боспорского царства, то само это изучение в силу ограниченности материала носило односторонний характер. И в глубь веков, как сейчас, цари и вельможи предпочитали всему родному импортное, уникальное, завезенное из-за границы; а массовыми местными предметами обихода пользовался простой народ; как и сейчас в странах капитала, «сильные мира сего» через головы народных масс якшались с завоевателями — врагами культуры побежденного народа.

Эллинская колонизация Восточного Крыма повела к усиленному импорту, к внедрению на Крымском побережье не только предметов выработки Эллады, но и самого античного стиля греков, их орнаментики, технологии, моделировки. Чернотаковые вазы, уникальные предметы ювелирного искусства из царских гробниц и погребений знати — все это был эллинский Крым. И как раз изучением эллинизма в раскопанных древностях, правда, в своеобразном местном преломлении, и занялась первоначально русская археология. Чтоб выйти на широкое поле обобщений, искать не уникальные предметы, а массовые свидетельства минувших веков, изучать не быт властителей, а жизнь общества, народную жизнь, нужно было начать раскапывать в широких масштабах не только курганы и склепы, но и места, не обещавшие «дорогостоящих» находок, то есть большие городские поселения — обиталища простых людей — и большие массовые некрополи (кладбища) — захоронения рядовых жителей. А на это царская казна денег не отпускала. Вот почему, несмотря на ценные находки, о характерных особенностях культуры Боспорского царства было известно в прошлом веке все же очень немного; несмотря на явно неэллинские, своеобразные, местные черты, пробившиеся через «греческий стиль» изделий боспорских художников и ремесленников, все еще мало было известно о коренных жителях Крыма и их роли в развитии культуры древнего Боспора. И вот почему о жизни самого народа, о создателе вырытых ценностей, изготовленных в городах древнего Боспора, о труженике, о ремесленнике, о воине, о пахаре Восточного Крыма археология прошлого века ничего почти не знала и не говорила.

«Керченская лихорадка», подобно всем лихорадкам, в начале нынешнего века пошла на убыль. Все уникальные объекты, а с ними вместе и все ценные предметы были выкопаны, выбраны, вывезены из Керчи. Опустила, казалось бы, керченская земля. Так крепко уверены были люди в полной «раскопанности» Керчи, что даже и в наши дни можно еще услышать: «Вы в Керчь? Оттуда уже все вывезено, там больше ничего искать археологам, это яркая страница прошлого русской археологии!»

После Октябрьской революции наша отечественная археология вступила в новую эпоху. Именно там, где родилась русская археологическая наука, — в Керчи — происходит сейчас и ее перестройка на принципиально новых началах. С 1932 года здесь работает наряду с другими Боспорская археологиче-

ская экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Руководитель ее, советский ученый, автор большого труда о Восточном царстве, Виктор Францевич Гайдукевич, провел уже семнадцать экспедиций на керченской земле. Одни за другими появились «на свет» древние города, селения, массовые кладбища, сельские усадьбы Восточного царства, рассказывая полным голосом о жизни коренного населения этих мест, о жизни народа, безымянного творца и создателя всех материальных благ на земле.

Выше я писала, что все созданное руками человека тянется из-под земли назад, к человеку. Никогда еще мнимое опустошенная керченская земля не тянулась так к археологам неиссякаемым множеством засыпанных в ней свидетельств былых веков, как в эти годы и в эти дни семнадцатой по счету раскопочной экспедиции, давшей необычайно богатый материал для советской археологии. За 20 лет стали явью города Тиритака, Мирмекий, Илурад, Порфмий, которые мы знали только по названиям, изредка встречающимся в греческих источниках. За 20 лет явной стала древнейшая хозяйственная жизнь Керченского полуострова; перед нами раздалились стены усадеб с их винодельнями, скотными дворами, кормушками для птиц, крупными зернохранилищами; раскрылись очаги, полные золы от огня, горевшего в них тысячи лет назад; мусорные ямы с костями домашних животных и черепками разбитой посуды; улицы, узенькие, как сейчас в восточных городках, со ступенями, ведущими к жилью, а в самом жилье — следы древнего водопровода и канализации. И за одним этим видимым миром показался другой, более древний. Бурные дни, пережитые человечеством, смена войн и мира угадываются здесь археологами в толще оборонительных городских стен, в их надстройках, в огромных утолщениях, сделанных в более позднее время. Грозные катаклизмы и бедствия прочитываются в черных следах пожаров, в массовых разрушениях. Древние культуры говорят о себе жертвенными костями, глиняными фигурками домашних богов, золотом алтарей. Военные поселения с их особой жизнью полувоинов-полуземлепашцев раскрывают в разбивке улиц и планировке жилищ свой быт. Кто знаком с увлекательными страницами академика Жебелева о восстании (в 107 году до нашей эры) рабов в Восточном царстве во главе со скифским рабом Савмаком, может ярко представить себе, как читаются и прочитываются учеными, как оживают под их взглядом все эти бесчисленные материальные свидетельства кипевшей на керченской земле жизни.

Мне удалось попасть в Керчь к концу семнадцатой раскопочной экспедиции. И вот я еду вместе с участниками и бронзовым от загара начальником ее профессором Гайдукевичем по широкому степному простору. На горе Митридата вы, будучи в городе, чувствовали себя далеко за городом. А здесь, по-настоящему покинув Керчь, вы никак не можете вырваться из ощущения огромного человеческого жилья, охватившего вас своими гигантскими масштабами со всех четырех сторон. Выбегает на дорогу новый, чистенький городок строительства. Стоят на горизонте, как черные великаны-стрекозы, «отвалыные мосты» у железнорудных насыпей. Шумно живет какая-то фабрика, а за нею еще и еще одна. В эту осень здесь работает пять отрядов Восточной археологической комиссии, каждый — во главе со своим руководителем. Разбросаны они на десятки километров друг от друга, в разных концах от Керчи. По дорогам и бездорожью мы едем от одного объекта к другому, прихватывая и те, где в нынешнем году не ведется работа, как город Тиритака с его десятками рыбозасолочных ванн, цементированных внутри, и Царский курган, несравненный по своей архитектурной красоте, раскопанный еще в 1837 году. Но главное, для чего мы выехали, берет у нас большое время и требует внимательного осмотра.

Пять объектов, где сделаны этой осенью замечательные открытия, обогатившие советскую археологию, — это, во-первых, античная сельская усадьба, уникальный памятник хозяйственной жизни двухтысячелетней с лишним давности; во-вторых, впервые раскопанная часть боспорского города Порфмийа с находками от VI века до нашей эры; в-третьих, недавно открытое поселение эпохи бронзы второго тысячелетия до нашей эры (это значит глубь четырех тысяч лет!); в-четвертых, огромное кладбище IV века до нашей эры, где сейчас раскопано около 100 могил; и, в-пятых, продолжающиеся раскопки своеобразного города — военного поселения — Илурата, не похожего на другие боспорские города.

Сельская усадьба — почти на городской окраине. Кто ни разу не был на раскопках, при первой встрече с ними почувствует себя слегка разочарованным: открытый бугорок или полянка, кучка людей, и не видно, над чем и почему копошатся там эти люди. Вы вступаете в их среду, осторожно прыгаете по каменной кладке там, где вам укажут, а ветер свистит у вас в ушах, холодит вам корешки волос, словно поет о про-

плом, и молодежь вокруг, студенты-практиканты с взволнованными, счастливыми лицами, и начальник отряда, веселая, жизнерадостная ленинградка, снисходительные к невежеству вашему, терпеливо рассказывают, как если бы мы стояли где-нибудь на колхозном дворе, что вот это античный курятник, а на этом давили виноград, и он стекал вот сюда, а здесь хранилось зерно. И вы вдруг через час-два начинаете сами разбирать круглое клеймо на ручке красного кувшина с острова Родоса, прямоугольное на бледном кувшине из Синопа, и отличать терракотовую статуэтку Геракла от какой-нибудь другой. Когда все это приключится с вами, вы вдруг почувствуете поэзию советской археологии и страстно увлечетесь ею. Ведь это люди, люди жили здесь и говорят о себе через вещи. Люди украсили жилье расписной штукатуркой, пользовались художественной посудой, ходили, работали, дышали здесь. И люди, новые, советские, через две с лишним тысячи лет хозяйственно изучают и восстанавливают угасшую, далекую жизнь... Нет, не угасшую, а продолжающуюся в советской науке!

Едем, минуя старинную крепость Еникале, туда, где самое узкое место пролива и где сейчас переправляются из катерках из Крыма на Кавказ, на кубанский берег, точь-в-точь как переправлялись и в древности на берег тмутараканский. Поднимаемся к раскопкам города Порфмия, в переводе означающего «Переправа». С конца июня здесь вырыто около тысячи квадратных метров, дающих представление о бойком рыбацком городке у переправы. Множество орудий лова—бронзовые крючки для ужения, грузила для неводов; узкие улочки—около двух метров ширины; дом в три комнаты; посуда из обычной глины местного производства, по-своему изменяющего античные образцы; культовые статуэтки богини Деметры, светильнички маленькие из красной глины с изображением бога солнца возле отверстия для фитилька. Под городом, прожившим с VI по I век до нашей эры, сейчас раскапывают другой, более древний слой. Но самым интересным в Порфмии было знакомство с человеком, который открыл его и указал на него Боспорской археологической экспедиции. Небольшого роста, в форменной фуражке путейца, с развевающимися длинными седыми волосами и палкой в руке, Василий Васильевич Веселов предстал перед нами как своего рода бог Гермес здешних мест. Инженер-транспортник, ученик Е. О. Патона, один из работников местной стройки, Василий Васильевич в свои выходные дни вместе с сыном-школьником бродит по керчен-

ской земле и делает важные открытия, но как отличается этот советский энтузиаст от лихорадочно рыскавших в поисках древностей «энтузиастов» прошлого века! Василий Васильевич не просто ищет: он читает древних авторов, ловит у них намеки на географическое положение города и, найдя что-нибудь, дает тотчас знать работникам Керченского музея, этой базы всех здешних археологических экспедиций; дает знать Боспорской экспедиции и даже публикацию делает в научном журнале. Это он нашел и селище эпохи бронзового века неподалеку от Порфмия. Впрочем, дадим говорить ему самому. Когда я уже вернулась из Керчи, Василий Васильевич в письме ко мне рассказал:

«Я набрался смелости и заглянул теперь за спину Боспорского царства и увидел более древнюю киммерийскую страну. В V веке до нашей эры Геродот писал, что на берегах пролива (Керченского) проживали некогда киммерийцы, именем которых он и называет пролив. Позавчера мне удалось обнаружить остатки четвертого селища эпохи бронзы. Первое было обнаружено мной в октябре 1952 года... Наличие четырех селищ бронзового века на территории примерно в 15 квадратных километров показывает, что Керченский полуостров, в частности берег пролива, еще задолго до прихода колонистов-греков был густо заселен».

Профессор В. Ф. Гайдукевич высоко ценит работу этого археолога-любителя. Раскопки первого из открытых селищ бронзового века дали нынешним летом большие научные результаты. Найденные предметы показывают, что уже четыре тысячи лет назад люди знали здесь земледелие (об этом говорят каменные зернотерки), хотя жали они еще кремневым серпом. Знали и животноводство и рыболовство: раскопано множество костей домашних животных и рыб...

Из Порфмия ехала я, еще смутно разбираясь в черепках завозных афинских ваз и замечательных лепных, словно в гофре, скифских сосудов. Но на четвертом объекте раскопок, большом могильном поле-некрополе, — знания мои несколько укрепились. Трудно представить себе кладбище, более полное жизни, чем этот некрополь, где мертвецы лежат уже полных две тысячи с четвертью лет. Стены его почти смыкаются с территорией заводской стройки. Веселое уханье, гам и гром несутся оттуда в кладбищенскую тишину, а в вырытых каменных могилах сидят молодые ученые, сидят прямо на земле, копаясь в рыхлой почве и бережно вынимая из нее находки. Каждый говорит про «свою могилу» с какой-то особой архео-

логической гордостью: «Моя могила» — и про вычищенные, высушенные временем, аккуратно расчищенные кости: «Мой покойник». На особых листах ведется опись находок, и какие блестящие, счастливые глаза были у студента, показавшего мне, выскочив из могилы, свою замечательную находку — поясной бюст Персефоны, ставившийся в могилу как символ воскрешения из мертвых (Персефона, похищенная Плутоном, в конце концов вышла из ада, по древнему мифу). Тут довелось мне присутствовать при самом процессе раскопки. Одна за другой появлялись в руках у археологов то ваза с пояском, черного цвета; то зеленая монетка; то египетские четырехугольные стеклянные бусы, расписанные желтыми елочками; то флаконы из глины для благовоний. В мужских могилах выкапывали из земли орудия производства, знаки профессии: точильный камень, гири торговцев, скребки для спортсменов. В женских могилах этого массового кладбища обыкновенных городских людей нередко попадались круглые бронзовые зеркала. Мне показали, как ведется научный дневник раскопок, снимается план могилы, указывается на бумаге точное положение скелета и находок. За этим «воскрешением из мертвых» застал нас быстрый южный вечер. И мы были в Илурате уже в сумерках, утомленные виденным, не вмещающие новых больших впечатлений от нового, широко уже раскипанного города, где воины должны были и пахать землю, где огромные плиты-закрома держали, должно быть, общее, «коммунальное зерно», где найден подземный ход из городища за городскую стену.

Как хороша наша советская жизнь, мудрым хозяйским оком вглядывающаяся в былое, воздающая дань миллионам безыменных тружеников, воскрешающая их из забвения! И как бессмертна жизнь, связанная умной памятью поколений! На одной из каменных плит, стоящих у входа в Царский курган, прочитали мы греческую надпись, звучащую как пожелание потомкам:

«С добрым счастьем».

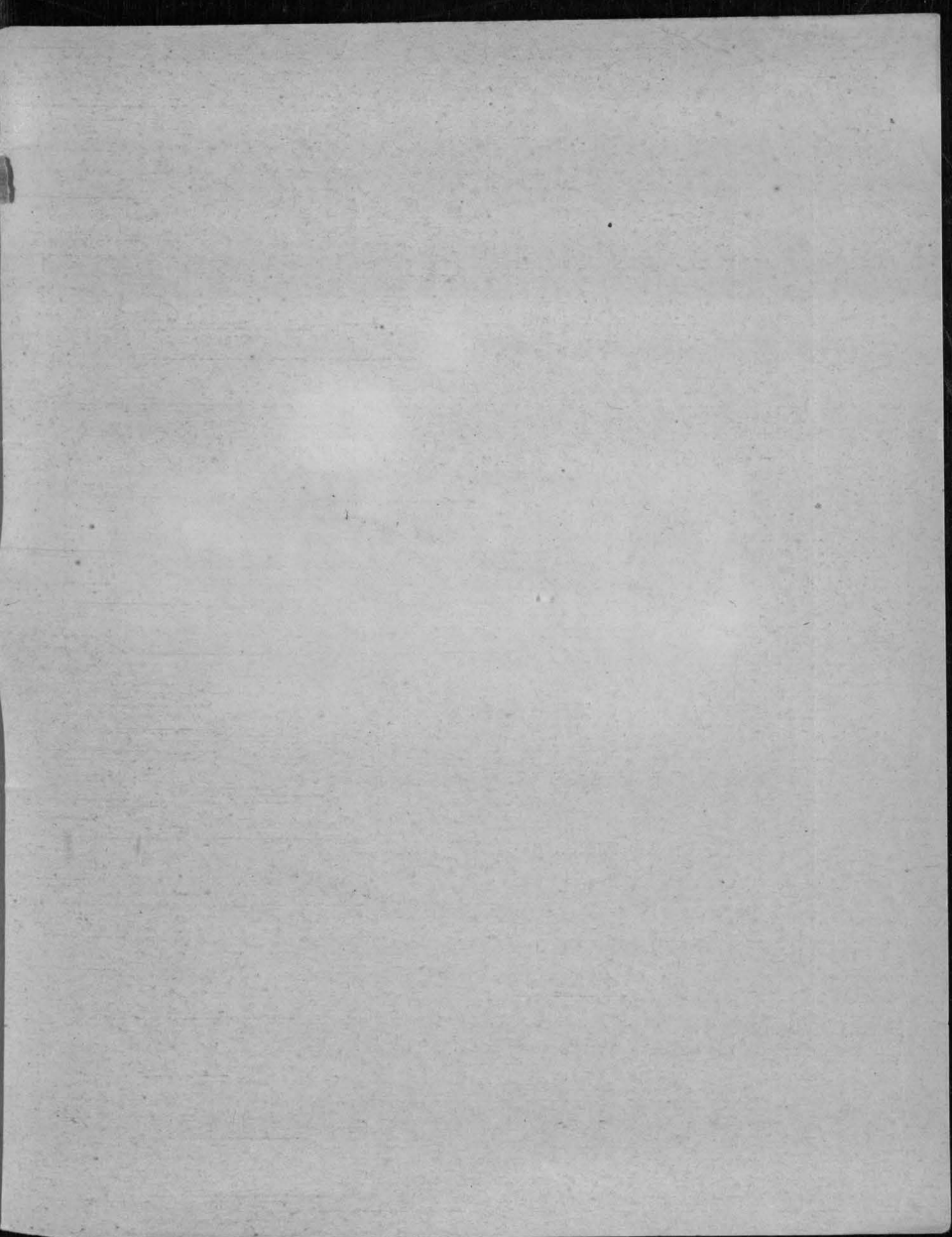
Для нас, для людей советской эры, доброе счастье уже наступило.

Керчь, 1953.



Ростовская областная
Государственная
Библиотека
Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

А 06939. Подписано к печати 23/IX 1954 г. Тираж 150.000. Заказ 2478.
Изд. № 795. Формат бумаги 70 × 108½. 0,87 бум. л. — 2,39 печ. л.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.



Цена 70 коп.

Государственные займы
способствуют выполнению пятого
пятилетнего плана развития СССР.

*Приобретайте
облигации
государственного
3% внутреннего
выигрышного займа*



Облигации займа продаются
и свободно покупаются
сберегательными кассами

8
КНИЖКА
15
ЭВЕНТИКА
К МАЛЫХ